Санкт-Петербургский государственный университет

Варлакова Екатерина Александровна

Категория определенности-неопределенности в шведских переводах Библии 1703, 1917 и 2000 годов

Выпускная квалификационная работа

направление подготовки 035700 "Лингвистика"
образовательная программа "Иностранные языки"
профиль "Шведский язык"

Научный руководитель:
ст. преп. Ю.М. Григорьева,
канд. филол. наук, доц. А.В. Савицкая

Рецензент: канд. филол. наук,
доц. А.Н. Ливанова

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Категория определённости-неопределённости в том или ином виде присутствует во всех языках мира и имеет большое значение для семантической стороны высказывания. Функция данной категории заключается в выделении известного объекта из множества ему подобных, своего рода противопоставлении отдельного предмета классу (определённость) и, напротив, в указании на объект как представителя множества однородных ему явлений (неопределённость). Существуют языки, в которых эта категория не имеет морфологических средств выражения. К ним относится, в частности, русский язык. В ряде языков, в том числе в шведском, кроме прочих показателей категории присутствуют специальные служебные слова для передачи значения определённости или неопределённости – артикли. Наличие особых маркёров позволяет анализировать рассматриваемую категорию с точки зрения грамматики, а также облегчает изучение её исторического становления.

Именно процессу формирования и развития категории определённости-неопределённости в шведском языке вплоть до современного её состояния посвящено настоящее исследование.

Изменение отдельной категории удобнее всего прослеживать на примере созданных в разные эпохи вариантов одного и того же текста. Бесценным источником такого исторического материала является Библия – важнейший текст мировой культуры, самая переводимая книга в мире. Кроме того, Писание – памятник, при переводе которого необходимо уделять особое внимание категории определённости-неопределённости и способам её выражения во избежание искажений смысла.

В Швеции за всю её историю были изданы лишь три качественно новых перевода Писания: Библия Густава Васы 1541 года, Библия 1917 и Библия 2000. В настоящей работе проводится сравнение трёх шведских текстов, однако вместо первого из названных переводов взята Библия Карла XII, вышедшая в 1703 году и являющаяся, по сути, переработкой Библии

Густава Васы. Данный текст удобен тем, что в нём сохранены ключевые особенности первой шведской версии Писания, и при этом он, в отличие от своего первоисточника, находится в открытом доступе. Сделанные в ходе исследования выводы относительно грамматики первого из рассматриваемых переводов касаются, прежде всего, Библии 1541 года.

В качестве объекта исследования выступает текст Евангелия от Матфея, первой книги Нового Завета. Книга, как считается, была написана апостолом Матфеем на иврите, однако оригинал почти сразу был утерян, и переводчикам доступен лишь греческий вариант данного Евангелия [http://www.alltombibeln.se/bibelfakta/matteusevangeliet.htm].

Тексты переводов, ставшие основой данного исследования, взяты из Интернет-источника. При этом электронная версия Библии Карла XII[1] перепечатана с издания 1873 года – того же текста, но набранного не антиквой, а фрактурой. Переводы 1917[2] и 2000[3] годов опубликованы по первым своим изданиям. На том же ресурсе расположен текст Библии Мартина Лютера[4], с которым в данной работе при необходимости сопоставляется первый из анализируемых переводов.

Цель настоящей работы – проследить становление и изменение категории определённости-неопределённости в шведском языке на примере трёх переводов Библии.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1) Изучить теоретический материал по данной теме. Описать исторический процесс формирования категории в шведском языке и её современное состояние.

---

[1] URL: https://www.bible.com/sv/bible/161/MAT.1

[2] URL: https://www.bible.com/sv/bible/166/MAT.1

[3] URL: https://www.bible.com/sv/bible/154/MAT.1

[4] URL: https://www.bible.com/ru/bible/51/MAT.1.delut

2) Выделить в каждом переводе лексемы, имеющие прямое отношение к рассматриваемой категории – существительные, субстантивированные прилагательные и причастия.

3) Сопоставить словоформы на одинаковых позициях в анализируемых текстах.

4) Отметить имеющиеся закономерности, сходства и различия в степени определённости и способах её выражения, описать их, основываясь на теоретическом материале и комментариях исследователей.

5) Определить, что из выявленных свойств является особенностью шведского языка на том или ином его этапе, а что – влиянием грамматики источника.

Выполнение поставленных задач поможет сделать выводы относительно темпов и направления изменений в категории определённости-неопределённости в шведском языке.

В ходе исследования использованы, таким образом, следующие методы: метод сплошной выборки при создании корпуса примеров, компаративный метод, метод классификации, квантитативный метод, описательный метод.

Работа состоит из двух основных частей, введения, заключения и приложения.

Во введении обозначены объект и предмет исследования, его цели, задачи и методы.

Теоретическая часть включает в себя две главы. В первой представлено краткое описание исследуемых переводов: время и обстоятельства их возникновения, некоторые значимые черты. Вторая глава содержит общую характеристику изучаемой категории, описание её становления в шведском языке, а также грамматических и семантических правил употребления средств её выражения, существующих в настоящее время.

Практическая часть состоит из одной главы. В её начале обозначены принципы отбора анализируемого материала. Далее представлены результаты

сопоставления трёх переводов: выделены сходства и различия в использовании маркёров категории определённости-неопределённости, дано обоснование выбора той или иной формы слова, сделаны соответствующие выводы и обобщения.

Каждая глава обеих частей завершается краткими выводами по этой главе.

В заключении суммируются итоги исследования, приводится вероятное объяснение причин произошедших изменений.

В приложении отражены количественные характеристики составленного в ходе исследования корпуса примеров.

Глава 1. Переводы Библии на шведский язык

Ни один памятник мировой литературы не оказал столь огромного влияния на культуру различных народов и развитие их языков, как Библия. Играя значимую роль для христианской религии, она, несомненно, должна была стать настольной книгой каждого верующего. Для этого было необходимо сделать Библию доступной всем людям вне зависимости от их родного языка, вследствие чего возникла потребность в её переводе.

Одним из первых появился латинский вариант Писания, получивший название Biblia Vulgata – ’Общепринятая Библия’. Долгое время европейские церкви пользовались именно этим текстом, что способствовало укреплению позиций латыни в сфере христианства. Между тем, все проповеди велись на национальных языках, поскольку большинство прихожан не владели латынью. В этой связи возникала проблема донесения текста Писания и до священнослужителей, многие из которых также не были в достаточной степени образованными, чтобы понять и пересказать содержание Вульгаты.

В Швеции, как и в остальных европейских странах, неоднократно предпринимались попытки создать единый общепринятый перевод Библии, однако до Реформации все они сводились к работе над отдельными книгами или даже главами Писания. Так, в начале XIV века по просьбе Святой Биргитты[1] был осуществлён перевод (а точнее, пересказ) Пятикнижия на шведский язык [http://tidningenkulturen.se/index.php/mer/essaeer/118-religion/14311-vilket-sprak-talar-gud-om-bibelns-vaeg-till-sverige].

За всю историю Швеции было создано немало переводов полного текста обоих Заветов, однако качественно новыми и официально признанными стали лишь три: Библия Густава Васы, вышедшая в 1541 году и являющаяся первым полным шведским переводом, Библия Густава V, более известная как Библия 1917, и Библия 2000. Все они характеризуются своими особенностями, продиктованными общими изменениями в шведской

[1] Святая Биргитта (шв. HeligaBirgitta) – католическая святая, настоятельница монастыря в шведском городе Вадстена, основательница Биргиттинского монашеского ордена.

грамматике и зависящими от языка исходного текста, поэтому стоит сказать несколько слов о каждом варианте в отдельности.

Работа над первым полноценным переводом Библии на шведский язык началась в эпоху Реформации. Основоположник данного движения, немецкий богослов Мартин Лютер, сформулировал своего рода правило перевода Книги книг на разные языки: с одной стороны, необходима достоверная передача смысла священного текста (вследствие чего лучше переводить непосредственно с оригинала); с другой – содержание должно быть доступно простому народу, а следовательно, изложено понятным языком [Weissbort, Einsteinsson, 2006. P. 57].

В Швеции важными фигурами этой эпохи стали писатель Олаус Петри и канцлер короля Лаурентиус Андрэ. Неизвестно, кто в действительности занимался переводом Писания, но принято считать, что руководили процессом именно вышеупомянутые реформаторы. В 1526 году вышел перевод Нового Завета. Книга стала столь значимой для стандартизации шведского языка, что год её появления принят за дату начала нового периода в его истории.

Первый перевод полного текста обоих Заветов был издан в 1541 году и получил название Библии Густава Васы, по имени правившего в то время короля. При своей работе переводчики, несомненно, учитывали особенности оригинальных источников. Тем не менее, простое сопоставление доказывает, что в качестве образца ими была взята Библия Лютера, и в получившемся переводе явственно заметно влияние немецкой грамматики и орфографии [Olsson, 2001. S. 35]. Кроме того, шведский текст, содержащий актуальную и употребительную в ту эпоху лексику, был умышленно стилизован в плане грамматики, вследствие чего с этой точки зрения он архаичнее не только современного на тот момент языка, но и перевода Нового Завета 1526 года [Bergman, 1970. S. 91].

Все последующие варианты Писания на шведском языке, созданные до выхода перевода 1917 года, по сути своей были перепечатками Библии

Густава Васы, пусть и в изменённой орфографии. Таковой является, в частности, Библия Карла XII, анализируемая в настоящей работе. Для того чтобы читателям было полностью понятно её содержание, данная версия была снабжена списком устаревших слов, однако внести изменения в сам текст переводчики не решились. Только в 1883 году появилось так называемое нормированное издание, где вышедшая из употребления лексика была наконец заменена на современную [Ståhle, 1970. S. 58].

Следующим качественно новым шведским текстом Книги книг стала Библия Густава V. Она создавалась без малого полтора века: работа над переводом началась в 1773 году по указанию короля Густава III. Комитет по переводу состоял из академиков, епископов и специалистов в области теологии, истории, естественных наук. Переводчики руководствовались двумя несколько противоречивыми принципами: и сохранить сложившуюся языковую традицию, и выразить суть современным языком, близким к устной речи народа [Ibid. S. 67]. За долгое время работы комитета к печати были подготовлены несколько вариантов, однако ни один из них не получил одобрения сторонников традиционного перевода. Наконец, в 1917 году новая Библия увидела свет. Её текст, в значительной степени сохраняющий особенности предыдущих версий, был, однако, раскритикован за избыточную разговорность, в частности, за излишнее употребление разговорных элементов вроде *ju* ’ведь’. Последнее, впрочем, является влиянием греческого оригинала, где, как отмечает Б. Памп, подобные вставные слова играют скорее связующую роль, нежели обладают особым значением [Pamp, 1971. S. 236].

XX век ознаменовался радикальными изменениями в шведском языке, выраженными, в частности, в значительном сближении устной и письменной речи. Такой сдвиг в стилистике языка стал одной из главных причин возникновения потребности в новом переводе Библии [Molde, Ståhle, 1970. S. 25].

Переводческий комитет начал свою работу с текстом Писания в 1963 году. Вновь было задействовано множество экспертов в различных областях знаний, и в этот раз переводчики разделились на группы для равномерного распределения задач и ускорения процесса. В 1981 году вышла шведская версия Нового Завета, а в декабре 1999 года был завершён перевод полного текста Библии. Выход издания был приурочен к началу нового тысячелетия, что отражено в его названии – Библия 2000. Она стала первым и единственным официальным переводом Писания на шведский язык, выполненным непосредственно с оригинальных источников. В основу была положена передача смысла исходного текста, а не следование установившимся «нормам» перевода. Кроме того, большое внимание было уделено новым стилистическим особенностям шведской письменной речи. Тем не менее, и этот текст много критиковали, в частности именно за несоблюдение сложившейся традиции перевода многих устойчивых выражений: к примеру, *varde ljus* ’да будет свет’ было заменено на далёкую от высокого слога фразу *ljus, bli till!* ’свет, появись!’ [http://www.oversattarlexikon.se/artiklar/Svensk_bibelöversättning].

1.1 Выводы по главе 1

Первый полный перевод Священного Писания на шведский язык появился в 1541 году и получил название Библии Густава Васы. Ему предшествовал выход шведской версии Нового Завета в 1526 году. Оба этих текста были, однако, переведены с немецкого, и в них отражены многие особенности грамматики исходного языка. Кроме того, версия 1541 года была архаизирована и обладает рядом черт, характерных для шведского языка более ранних эпох.

В течение нескольких веков предпринимались попытки качественной переработки текста Книги книг, но они в основном сводились к переизданию первого перевода в новой орфографии и замене устаревших слов. Одним из таких вариантов стала Библия Карла XII.

Работа над следующим переводом велась долгие 144 года, и её результатом стала Библия Густава V, опубликованная в 1917 году. Несмотря на то, что перед переводчиками стояла задача облегчить восприятие Писания читателем путём сближения библейского языка с разговорной речью того времени, во многом этот текст наследует традициям ранних версий.

Только Библия 2000 может называться переводом в прямом смысле этого слова. В данной версии учтено как достоверное содержание оригинала, так и строй переводящего языка. Текст ориентирован главным образом на современного читателя и независим от традиционных принципов перевода ключевых выражений.

Итак, чтобы не исказить смысл столь значимого культурного памятника, переводчикам необходимо учитывать правила и особенности родного языка, соотносить их с нормами языков оригинала, тщательно подбирать не только лексику, но и грамматические конструкции.

Одной из важнейших для точной передачи семантики текста является грамматическая категория определённости-неопределённости, ставшая предметом данного исследования.

Глава 2. Категория определённости-неопределённости

2.1 Общие положения

В Лингвистическом энциклопедическом словаре даётся следующее определение категории определённости-неопределённости (далее – КОН): «одна из категорий семантики высказывания; функция её – актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определённость) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределённость)» [http://tapemark.narod.ru/ les/ 349a.html].

Как пишет Т.М. Николаева в предисловии к сборнику статей, посвящённых КОН, изначально исследование данной категории сводилось к изучению её грамматического аспекта, а её непосредственные показатели, артикли, рассматривались исключительно как актуализаторы единиц языка. Другим возможным способам выражения, таким, как, к примеру, определительные придаточные предложения или указательные местоимения, не уделялось должного внимания. Однако впоследствии, когда на первый план вышел вопрос семантики, многие лингвисты стали делать акцент именно на значимости КОН для содержательной стороны высказывания [Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках, 1979. С. 4]. В силу этого категория «может быть рассмотрена строго в контексте» [Ревзина, 1979. С. 65], а выражаемые ею значения «раскрываются в рамках связного текста, а не вытекают из соотношения компонентов одного изолированного предложения» [Молошная, 2002. С. 368].

КОН является языковой универсалией, то есть в том или ином виде присутствует во всех языках. Как справедливо замечает Т.В. Цивьян, данная категория «допускает максимальную вариативность в плане выражения» [Цивьян, 1979. С. 348]. Действительно, к способам передачи значения определённости или неопределённости относятся такие разнородные явления, как, например, местоимения и просодические средства.

Некоторые языки обладают специальными грамматическими элементами для выражения рассматриваемой категории – артиклями. Исходя из наличия или отсутствия артиклей, языки делят, соответственно, на артиклевые и безартиклевые.

Языку как системе свойственно историческое развитие по пути перехода от конкретного понятия к обобщённому, и КОН не является исключением. По этой причине в первую очередь в языке появляются средства выражения определённости [http://tapemark.narod.ru/les/349a.html]. Это находит некоторое подтверждение в том, что, как указывает В.Б. Кашкин, множество языков имеет только определённый артикль (исландский, болгарский), во многих языках присутствуют и определённый, и неопределённый артикли (английский, французский), но языков с одним только неопределённым артиклем не существует [Кашкин, 2001. С. 79]. Шведский язык относится к артиклевым, и ему присуща троичная система, наиболее распространённая в языках такого типа в целом: определённый, неопределённый и нулевой артикль.

2.2 Развитие КОН в шведском языке

Традиционно лингвисты относят КОН в германских языках к числу наиболее поздно сформировавшихся категорий [Москальская, 1977. С. 238], так как её развитие и становление связанных с ней грамматических норм происходило уже в письменную эпоху. Однако, как утверждает М.И. Стеблин-Каменский, основа данной категории была заложена ещё до письменности, с началом употребления артиклей [Стеблин-Каменский, 1953. С. 189].

Появление КОН в шведском языке, а точнее, возникновение артиклей, сыграло важную роль не только для смыслового содержания высказывания: с точки зрения грамматики развитие артиклевой системы означает замену исключительно флективного способа словоизменения существительных на

флективно-аналитический, а группа служебных частей речи тем самым пополняется новым разрядом служебных слов [Москальская, 1977. С. 239].

КОН в шведском языке устанавливалась постепенно, и каждая эпоха в развитии языка характеризуется теми или иными изменениями в рассматриваемой категории.

Принято выделять два крупных периода в истории шведского языка: древнешведский, длившийся приблизительно с IX века по 1526 год, и новошведский, начавшийся с появлением перевода Нового завета и продолжающийся до сих пор [Pamp, 1971. S. 68]. Вместе с тем существует и другое мнение относительно периодизации шведского языка, согласно которому отдельно рассматривается состояние языка в XX-XXI веках, так называемый современный шведский (шв. *nusvenska*) [Birch-Jensen, 2011. S. 82]. Тем не менее, учёные сходятся во взглядах на первые две эпохи и делят каждую из них на меньшие временные отрезки.

Так, в древнешведском выделяют рунический, классический и поздний периоды. Под эпохой рунического шведского понимается время, когда алфавит данного языка ещё состоял из рун, а не из латинских символов. С принятием латиницы, то есть в первой четверти XIII века, на смену руническому приходит классический древнешведский период, этап наиболее стабильного состояния языка и время создания важных документов – областных законов. С конца XIV века, условно с 1375 года, начинается поздний древнешведский, охарактеризованный, напротив, множеством изменений в фонетике и морфологии: к примеру, именно тогда прежняя падежная система подверглась значительному упрощению.

Новошведский период делится, в свою очередь, на два этапа: ранний и поздний. Оба они имеют точную дату своего начала: соответственно, 1526 – год выхода Нового завета и 1732 – год основания сатирического журнала «Шведский Аргус». Появление данных литературных памятников означало новый шаг в нормировании языка.

Исследователи, однако, часто не делят крупные периоды на меньшие отрезки при описании грамматических явлений, поскольку большинство изменений происходило постепенно на протяжении целой эпохи. Отдельно стоит рассмотреть только самое древнее состояние языка, когда анализируемая категория лишь зарождалась. В основном речь пойдёт об артиклях, так как другие способы выражения КОН стабилизировались в языке довольно рано и быстро.

2.2.1 Праскандинавский и рунический периоды

Появление артиклевой системы в германских языках началось уже после их выделения как самостоятельных, но вследствие общих предпосылок. Первыми, согласно упомянутой выше закономерности, стали развиваться определённые артикли – свободностоящий, присутствующий во всех языках германской группы, и суффигированный, характерная черта скандинавских языков. Решающим фактором для начала этого процесса стало употребление указательного местоимения в случаях, когда оно выделяло не конкретный видимый предмет, а всякий объект, известный участникам разговора [Wessén, 1965. S. 28-30].

М.И. Стеблин-Каменский предполагает, что свободностоящий артикль в северогерманских языках развился раньше, чем суффигированный. Как пишет учёный, указательное местоимение *sa* в функции определённого артикля встречается уже в скандинавской рунической надписи VI века, в то время как суффигированный артикль появляется лишь пять веков спустя [Стеблин-Каменский, 1953. С. 190-192]. Первоначально определённый артикль использовался для конкретизации некоего предмета среди множества ему подобных, поэтому на данном этапе такой артикль ещё не сопутствовал существительным, выражающим уникальные понятия, например, *erda* ’земля’ и *sunno* ’солнце’ [Москальская, 1977. С. 263]. Существующее в современном языке обобщающее значение определённой формы также развилось позднее.

В письменных памятниках этого периода уже можно отметить употребление постпозитивного указательного местоимения *inn* в роли, близкой к той, которую играет суффигированный определённый артикль [Petersson, 2000. S. 67]. Впоследствии произошло постепенное превращение местоимения в аффикс путём слияния с предшествующим ему существительным.

Что касается прилагательных, уже в эту эпоху они имеют формы сильного и слабого склонения и употребляются согласно правилам, действующим в современном языке. Прилагательное стоит в сильной форме, когда выполняет функцию именной части составного сказуемого или предшествует существительному в неопределённой форме. При наличии указательного местоимения и в случае субстантивации прилагательное имеет форму слабого склонения [Pamp, 1971. S. 143].

2.2.2 Классический и поздний древнешведский

На это время приходится становление суффигированного артикля, развившегося из постпозитивного указательного местоимения. Такой артикль присоединяется не напрямую к основе слова, а следует за всеми остальными грамматическими показателями, поэтому он и может быть назван агглютинативным суффиксом [Молошная, 2002. С. 252].

Вследствие того, что исконно этот артикль был самостоятельным словом и его грамматикализация произошла не одномоментно, долгое время в языке сохраняется двойное склонение, когда и само существительное, и суффикс-артикль изменяются по падежам и числам. Так, слово ’рыба’ в форме единственного числа номинатива имеет вид *fiskrin*, а в единственном числе генитива получает сразу два показателя данного падежа – *fisk<u>s</u>in<u>s</u>*. Эта особенность свойственна тексту Библии Густава Васы [Pamp, 1971. S. 140], который, в силу его значительной архаизации, можно было бы отнести к древнешведскому периоду.

Суффигированный определённый артикль закрепляется за словами подкласса Unica, то есть существительными, обозначающими единичные понятия, как, например, *solen* ’солнце’. Это происходит в том числе в случаях, когда такое слово входит в рему высказывания [Москальская, 1977. С. 277].

Функцию свободностоящего определённого артикля в данную эпоху выполняет указательное местоимение *þän* ’этот’, имеющее форму *þät* перед существительным в среднем роде и *þe* при форме множественного числа. Различия в значении при употреблении суффигированного артикля и указательного местоимения нет, однако второй вариант встречается чаще, что, как предполагает Э. Вессен, связано с влиянием западногерманского препозитивного артикля. Любопытно, что впоследствии писатели шведского романтизма ошибочно сочли свободностоящий артикль исконно древнескандинавским явлением и активно использовали его при стилизации [Wessén, 1965. S. 32-34].

В этот период формируется своего рода список существительных, которые сами по себе имеют определённое значение, поэтому употребляются с нулевым артиклем. В их число входят термины родства, титулы вроде *konunger* ’король’; названия дней недели, времён года и церковных праздников. Также к ним относятся слова *himirike* ’Царствие Небесное’, *paradis* ’рай’, *hälvite* ’ад’, несмотря на то, что они обозначают уникальные понятия [Ibid. S. 37-38].

В это время в языке уже присутствуют местоимения всех разрядов. Помимо рассмотренных выше указательных местоимений, для изучения КОН интерес представляют и неопределённые местоимения. В классическом древнешведском они представлены в формах, довольно близких к современным, а именно *nokor* ’какой-нибудь’ (совр. *någon*), *ængin* ’никакой’ (совр. *ingen*) и *hvar* ’каждый’ (совр. *varje* / *var*) [Bergman, 1970. S. 53].

Примечательно, что в некоторых текстах XIV века, например, в описании жития святых Codex Bureanus, уже можно выделить принципы употребления артиклей, согласующиеся с нормами современного языка [Wessén, 1965. S. 31].

2.2.3 Новошведский

Начало этой эпохи ознаменовано повсеместным распространением неопределённого артикля. Известно, что во всех языках, где появился такой артикль, он развился из числительного «один» в безударной позиции [Jespersen, 1935. P. 113]. Исходная функция этого артикля заключалась как раз в передаче значения единицы, поэтому на начальном этапе он не употребляется с неисчисляемыми существительными. Кроме того, неопределённый артикль должен был предшествовать впервые упомянутому объекту [Кашкин, 2001. С. 94].

Как считают некоторые исследователи, в частности, Э. Вессен, ведущую роль в быстром распространении неопределённого артикля сыграло влияние иностранных языков [Wessén, 1965. S. 39]. Эта теория подтверждается тем, что в географически изолированном исландском неопределённый артикль не возник.

Окончательные нормы употребления неопределённого артикля сложились только к XVIII веку, и лишь юридические тексты с их повсеместными «голыми» формами ещё долгое время оставались верны образцу латыни, не имеющей артиклей [Petersson, 2000. S. 165].

Что касается определённой формы, в целом правила её использования установились ещё в начале новошведского периода. Одним из последних изменений стал переход от употребления определённой формы существительного после указательного местоимения *denna* ’этот’ к употреблению формы неопределённой. Если тексту Библии Густава Васы свойственно наличие конструкций типа *thenne mannen* ’этот мужчина’ то с XIX века единственно возможным с точки зрения литературного языка

становится вариант *denna man*. Причины такой перемены остаются неизвестными, однако, как полагают лингвисты, вероятнее всего она связана с попыткой создания единой языковой нормы, отличной от разговорного варианта с двойной определённостью [Språkriktighetsboken, 2005. S. 140].

Несмотря на то, что процесс формирования КОН по большей части завершился к концу раннего новошведского периода, на протяжении достаточно долгого времени, вплоть до XX века, сохраняется вариативность формы множественного числа суффигированного артикля: *hästarne* / *hästarna* ’лошади’ [Petersson, 2000. S. 153].

2.3 КОН в современном языке

КОН – сложная категория, характеризующаяся множеством способов выражения и нюансов семантики. Целесообразным представляется рассмотреть подробно её грамматическую и смысловую составляющие.

2.3.1 Грамматический аспект

Прежде чем обратиться к грамматическим средствам выражения определённости и неопределённости в отдельности, можно выделить несколько общих моментов.

Все существительные в шведском языке в норме принадлежат к одному из двух родов, общему или среднему. Род влияет на выбор формы артикля в единственном числе.

Так, существительные общего рода имеют неопределённый артикль *en*: *en gata* ’улица’, *en pojke* ’мальчик’. Форма суффигированного определённого артикля обусловлена, кроме того, финалью слова. Существительное присоединяет суффикс *-n*, если оно оканчивается на гласный (*by-n* ’деревня’), а также на *-el* (*nyckel-n* ’ключ’), *-er* (*dotter-n* ’дочь’) или *-or* (*doktor-n* ’доктор’) [Wessén, 1970. S. 11-12]. При существительном, оканчивающемся на согласный звук, кроме указанных выше случаев, суффигированный артикль принимает форму *-en* (*månad-en* ’месяц’).

Неопределённый артикль при существительном среднего рода представлен, в свою очередь, формой *ett*: *ett hus* ’дом’, *ett äpple* ’яблоко’. Определённый суффигированный артикль также зависит от конечного звука в слове: он имеет форму *-et*, если существительное оканчивается на согласный (*bord-et* ’стол’) и *-t*, когда финалью является безударный гласный (*hjärta-t* ’сердце’) [Маслова-Лашанская, 1953. С. 124].

Определённый свободностоящий артикль может иметь три формы: *den* для единственного числа существительного общего рода (*den varma dagen* ’[этот] тёплый день’), *det* для единственного числа существительного среднего рода (*det friska barnet* ’[этот] здоровый ребёнок’) и *de* для существительных обоих родов во множественном числе (*de varma dagarna* ’[эти] тёплые дни’, *de friska barnen* ’[эти] здоровые дети’) [Там же. С. 127-128]. Далее, когда речь идёт о ’*den*’ в функции артикля или местоимения, подразумевается вся его парадигма.

Кроме того, от рода существительного зависит выбор формы прилагательного в сильном склонении: *en gul båt* ’жёлтая лодка’, *ett gult hus* ’жёлтый дом’ [Svenska Akademiens grammatik, bd. 2, 1999. S. 16].

Далее, существительные делятся на исчисляемые и неисчисляемые. Соответственно, исчисляемые существительные изменяются по числам. В форме единственного числа они могут сопровождаться такими показателями количества, как *en* ’один’, *hel* ’целый’, *varje* ’каждый’ [Ibid. S. 17]; в форме множественного – *många* ’много’, *få* ’мало’. Неисчисляемые существительные по числам не изменяются, не имеют, как правило, неопределённого артикля, а их показателями количества могут быть *all* ’весь’, *mycket* ’много’, *litet* ’мало’ и тому подобные [Ibid. S. 18].

На форму определённого суффигированного артикля при существительном во множественном числе известное влияние оказывает тип склонения этого существительного, определяющийся как раз способом образования формы множественного числа. Так, суффикс *-na* присоединяется к словам, имеющим флексию множественного числа *-or* (*gator-na* ’улицы’), -

ar (*pojkar-na* ’мальчики’) или *-er* (*ett land* ’страна’ – *länder-na* ’страны’). Артикль *-en* имеют существительные среднего рода, формы единственного и множественного числа которых совпадают (*ett träd* ’дерево’ – *träd-en* ’деревья’); некоторые существительные общего рода, образующие форму множественного числа при помощи перегласовки (*en man* ’мужчина’ – *männ-en* ’мужчины’, *en mus* ’мышь’ – *möss-en* ’мыши’); а также два слова с особой парадигмой склонения: *ett öga* ’глаз’ – *ögon-en* ’глаза’ и *ett öra* ’ухо’ – *öron-en* ’уши’. Форму *-a* суффигированный артикль имеет при существительных среднего рода с флексией множественного числа *-n* (*ett bi* ’пчела’ – *bin-a* ’пчёлы’) [Маслова-Лашанская, 1953. С. 125].

Неопределённого артикля для множественного числа в шведском языке не существует, однако при необходимости его функцию выполняет неопределённое местоимение *några* ’какие-то, некоторые’.

Форма без артикля сама по себе не является показателем неопределённости, так как она, согласно правилам, используется при наличии некоторых «сильных» маркёров определённости, таких, как притяжательная конструкция [Wessén, 1970. S. 14]. Однако традиционно именно безартиклевую форму называют неопределённой, противопоставляя её форме с суффигированным определённым артиклем.

При изучении категорий существительного шведские грамматисты обычно оперируют понятием именной группы (шв. *nominalfras*). Данным термином обозначается «компонент иерархической структуры предложения, обладающий синтаксическими свойствами существительного» [http://rusgram.ru/Именная_группа]. Именная группа может состоять как из одной лишь вершины, которой является существительное, субстантиват (прилагательное или причастие в функции существительного) или местоимение, так и из нескольких синтаксически связанных словоформ. При описании КОН и способов её выражения шведские лингвисты рассматривают в первую очередь именную группу, сколь угодно распространённую.

Помимо определённых и неопределённых именных групп, в шведском языке выделяются вопросительные, восклицательные и относительные именные группы. Они имеют лишь косвенное отношение к КОН, поэтому о них будет сказано вкратце.

2.3.1.1 Определённая именная группа

Н.С. Трубецкой выделяет три возможных способа выражения понятия определённости [Трубецкой, 1987. С. 40]:

1) Посредством употребления определённого артикля, воспринимаемого как отдельное слово, в сочетании с определяемым существительным;

2) С помощью специального аффикса, присоединяемого к основе существительного;

3) С помощью специальной формы другого слова, являющейся своего рода определением к данному существительному.

Шведскому языку свойственны все три указанных способа.

Определённая именная группа (далее – ОИГ) характеризуется наличием как минимум одного показателя определённости, в число которых входит не только непосредственно определённый артикль, но и другие детерминативы: существительное в форме генитива, числительное, притяжательное или указательное местоимение.

«Академическая грамматика шведского языка» выделяет несколько подвидов определённых именных групп в зависимости от содержащихся в них маркёров рассматриваемой категории [Svenska Akademiens grammatik, bd. 3, 1999. S. 15-25].

1) Простая ОИГ с показателем определённости.

Такая ОИГ состоит из показателя определённости – указательного или притяжательного местоимения или существительного в родительном падеже – и существительного в определённой или неопределённой форме в зависимости от выбранного маркёра категории. Между этими двумя

составляющими именной группы могут стоять показатели количества, выраженные числительным или количественным местоимением, и прочие определения: *de två andra cyklarna* [1]'[эти] два других велосипеда', *våra båda små cyklar* 'оба наших маленьких велосипеда' [Ibid. S. 16].

Когда существительному предшествует определение, выраженное прилагательным или причастием, помимо суффигированного определённого артикля должен использоваться и свободностоящий: *den röda bilen* '[эта] красная машина'. Это так называемая двойная определённость, характерная особенность шведской грамматики [Ekerot, 1998. S. 166].

Если, однако, за словом следует уточняющее придаточное предложение, это слово имеет только свободностоящий артикль: *den tunna som står i garaget*'[эта] бочка, которая стоит в гараже' [Svenska Akademiens grammatik, bd. 2, 1999. S. 303].

Den может также выполнять функцию указательного местоимения, в таком случае оно непосредственно предшествует существительному: *jag såg den katten* 'я видел эту кошку'.

Другие указательные местоимения, *den här* 'этот' и *den där* 'тот', требуют, согласно установившемуся правилу, определённой формы существительного (*den här skjortan* 'эта рубашка', *det där huset* 'тот дом'), а свойственное письменной речи *denna* 'этот' – неопределённой (*denna bok* 'эта книга') [Språkriktighetsboken, 2005. S. 143-144].

Существительное, входящее в посессивную конструкцию, то есть имеющее определение, выраженное другим существительным в родительном падеже или притяжательным местоимением, стоит в неопределённой форме: *mammas kopp* 'мамина чашка', *hans bord* 'его стол'. Такая ОИГ также может быть распространена дополнительными определениями: *deras andra resa* 'их вторая поездка', *pojkens gula jacka* 'жёлтая куртка мальчика'. Прилагательное в таком случае должно стоять в слабой форме [Svenska Akademiens grammatik, bd. 3, 1999.. S. 26].

---

[1] Здесь и далее примеры взяты из цитируемого источника.

2) Простая ОИГ с существительным в определённой форме и без прочих показателей определённости.

ОИГ данной подгруппы может быть представлена отдельным существительным в определённой форме, то есть имеющим суффигированный определённый артикль: *bilen* ’[эта] машина’, *mjölken* ’[это] молоко’, *flickorna* ’[эти] девочки’.

Сюда же относят ОИГ, в которых, несмотря на наличие определения, опущен показатель определённости. Это нередко происходит в случаях, когда определение выражено порядковым числительным (*hon åkte med första tåget* ’она уехала первым поездом’) или превосходной степенью прилагательного (*bästa resultatet* ’лучший результат’). Существует ряд устойчивых словосочетаний подобного рода, регулярно употребляющихся без свободностоящего артикля: *friska luften* ’свежий воздух’, *sista minuten* ’последняя минута’, *mitt på ljusa dagen* ’среди бела дня’. То же касается именных групп, где главным словом является имя собственное: *14-åriga Karin* ’четырнадцатилетняя Карин’ [Ibid. S. 19].

Здесь же стоит упомянуть имена собственные, имеющие суффигированный определённый артикль или, во всяком случае, флексию, напоминающую такой артикль по форме и значению. Речь идёт о некоторых топонимах, прозвищах и названиях учреждений и организаций: *Turkiet* ’Турция’, *Nilen* ’Нил’, *Östersjön* ’Балтийское море’, *Alperna* ’Альпы’; *Lillen* ’Малыш’; *Vinterpalaset* ’Зимний дворец’, *Europeiska unionen* ’Европейский союз’ [Svenska Akademiens grammatik, bd. 3, 1999. S. 132-133].

3) ОИГ с существительным в неопределённой форме и без показателей определённости.

После некоторых определений главное слово ОИГ должно, согласно правилам, стоять в неопределённой, или безартиклевой, форме. К таким атрибутам относятся местоимения *samma* ’тот же’ (*samma bok* ’та же книга’) и *nästa* ’следующий’ (*nästa fråga* ’следующий вопрос’), причастия вроде *motsvarande* ’соответствующий’ и *ovannämnd* ’вышеупомянутый’ (*på*

motsvarande sätt ’соответствующим образом’), а также, в некоторых случаях, числительные (*på tredje plats* ’на третьем месте’) и превосходная степень прилагательного (*senaste mode* ’последняя мода’).

Не нуждаются в показателях определённости слова, уже несущие в себе определённое значение. Это, прежде всего, термины родства (*Pappa har ringt* ’Папа позвонил’), названия месяцев (*Hon var här i augusti* ’Она была здесь в августе’), дней недели (*Han kommer på måndag* ’Он приедет в понедельник’) и праздников (*Jul är min favorithelg* ’Рождество – мой любимый праздник’). Не имеют артиклей и нарицательные имена, выполняющие функцию обращения: *Kom hit, lilla flicka* ’Подойди сюда, девочка’. Перед топонимами, в состав которых входит прилагательное, и перед обозначением части света также не ставится артикль: *Stilla havet* ’Тихий океан’, *norra Sverige* ’северная Швеция’ [Ibid. S. 145].

4) Сложная ОИГ.

Под сложной ОИГ понимается любая из вышеуказанных простых, имеющая в препозиции количественное местоимение или *själva* ’сам’: *alla cyklarna* ’все [эти] велосипеды’, *hela det nya huset* ’весь [этот] новый дом’, *själva läraren* ’сам учитель’.

Вершиной именной группы может быть не только существительное или имя собственное. Нередко эту роль играет личное местоимение, способное присоединять уточняющие определения (*jag* ’я’, *båda ni* ’вы оба’, *alla vi tre* ’все мы трое’, *det* ’оно’), или субстантивированные прилагательные и причастия (*den dömde* ’осуждённый’, *de två bekanta* ’двое знакомых’). Последний случай следует отличать от эллипсиса, когда понятие не называется, поскольку ясно из контекста: *Ge mig den där!* ’Дай мне вот ту [вещь]’.

2.3.1.2 Неопределённая именная группа

Неопределённая именная группа (далее – НИГ) распознаётся по признаку отсутствия показателей определённости. Такие именные группы также условно делят на несколько подвидов [Ibid. S.44-46].

1) Простая НИГ с показателем количества.

НИГ такого типа состоит из количественного местоимения или числительного и главного слова в неопределённой форме: *ingen film* ’никакой фильм’, *litet smörja* ’немного масла’. К числительным обычно относится и неопределённый артикль *en*/*ett*. Между основными членами конструкции могут помещаться разного рода определения: *en annan sådan vacker tavla* ’другая такая же красивая картина’, *ett otal billiga blommor* ’множество дешёвых цветов’.

Неопределённый артикль может присутствовать при неисчисляемых существительных, когда они обозначают сорт, подвид или порцию чего-либо: *det här är ett gott te* ’это хороший чай’, *får jag en kaffe, tack* ’можно мне один кофе, пожалуйста’ [Språkriktighetsboken, 2005. S. 116].

2) Простая НИГ без показателя количества.

К этой подгруппе принадлежат, прежде всего, существительные в неопределённой форме множественного числа, которая, как известно, не имеет артикля (*filmer* ’фильмы’, *blommor* ’цветы’), а также неисчисляемые существительные в общем значении (*mjölk* ’молоко’, *musik* ’музыка’). Перед ними может стоять определение: *annan musik* ’другая музыка’, *sådana filmer* ’такие фильмы’.

Исчисляемые существительные в форме единственного числа употребляются без неопределённого артикля, когда имеют слабое референциальное значение, то есть обозначают понятие в целом. Здесь существует целый ряд устойчивых выражений: *åka buss* ’ехать на автобусе’, *köpa hus* ’купить дом’, *spela piano* ’играть на пианино’ и т.д. [Ibid. S. 119]. Общим понятием можно счесть и наименования профессий, следовательно, во фразах вроде *hon är lärare* ’она учитель’ эти слова тоже не будут иметь артикля.

Исчисляемое существительное в некоторых контекстах может означать материал, вещество и подобное, и в таких случаях оно употребляется в безартиклевой форме: *Vi har fisk till middag* ’У нас на ужин рыба’, *Bordet är gjort av ek* ’Стол сделан из дуба’ [Svenska Akademiens grammatik, bd. 2, 1999. S. 19].

3) Сложная НИГ.

Такие именные группы встречаются довольно редко. Они образуются путём присоединения показателя неопределённости к ОИГ: *en Guds trogne tjänare* ’[некий] верный раб Божий’, *många de härligaste möten* ’многие [эти] прекрасные встречи’, *ett femte försök* ’пятая попытка’ [Svenska Akademiens grammatik, bd. 3, 1999.. S. 59-60].

2.3.1.3 Другие виды именных групп

Как уже было упомянуто, в шведском языке можно выделить именные группы, стоящие несколько в стороне от КОН. К ним относятся вопросительные, восклицательные и относительные именные группы.

Вопросительная именная группа характеризуется наличием вопросительного местоимения. Существительное, выражающее объект, о котором задаётся вопрос, стоит в неопределённой форме: *Vilken cykel har du sett?* ’Какой велосипед ты видел?’, *Hur många barn har du?* ’Сколько у Вас детей?’, *Vems föräldrar får komma?* ’Чьи родители могут прийти?’ [Ibid. S. 61]

Восклицательная именная группа содержит местоимение *vilken* ’какой’, *sådan* ’такой’ или *vad* ’что, как’, а в качестве главного слова в ней выступает существительное или субстантиват с нулевым артиклем: *Vilken fin cykel!* ’Какой хороший велосипед!’, *Sådana bekanta du har!* ’Какие у тебя знакомые!’, *Vad mycket du har köpt!* ’Как много ты купил!’ [Ibid. S. 65-66].

Относительная именная группа обычно состоит из одного только относительного местоимения *vilken* ’который’ в соответствующей форме: *Hon har skrivit två böcker, i vilka hon utnyttjar självbiografiskt stoff* ’Она написала

две книги, в которых она использовала автобиографический материал’ [Ibid. S. 64-65].

2.3.2 Семантический аспект

Основное правило употребления артиклей в шведском языке гласит, что неопределённый артикль следует использовать при существительном, задающим новое, ранее не упоминавшееся понятие, а определённый – когда речь идёт о чём-либо уже известном слушателю или читателю [Ekerot, 1998. S. 161].

Определённость, как подчёркивает Т.М. Николаева, может иметь разную природу [Николаева, 1979. С. 141].

Нередко известность задаётся контекстом, если объект был упомянут ранее и называется повторно: *Jag såg en flicka... Flickan var vacker* ’Я видел [некую] девочку… [Та] девочка была красивой’.

Кроме того, речь может идти о явлении, в той или иной мере уникальном, и слово имеет определённый артикль даже при первом своём употреблении: *solen* ’солнце’, *chefen* ’начальник’ (знакомый слушающему и единственно возможный в контексте).

Иногда определённость диктуется самой ситуацией, а объект, как правило, находится в поле зрения слушающего: *Stäng dörren!* ’Закройте дверь!’.

Если существительным обозначается чьё-либо имущество или некая неотъемлемая часть, к нему также присоединяется определённый артикль: *Jag har ont i huvudet* ’У меня болит голова’, *Bilen krånglar* ’[Моя, наша] машина барахлит’.

Что касается неопределённости, первостепенная её функция – показать, что предмет разговора важен как понятие, общее или единичное, а не как конкретный его представитель [Там же. С. 140]. Однако, как утверждает О. Есперсен, при употреблении неопределённого артикля в действительности имеется в виду, напротив, нечто достаточно определённое,

известное говорящему [Jespersen, 1935. P. 113]. Это соотносится с задачей неопределённого артикля вводить в контекст новый объект.

На деле ситуация с выбором того или иного показателя КОН выглядит несколько сложнее. По словам Л. Экерута, говорящий или пишущий всё время стоит перед более широким выбором. Лингвист выделяет несколько позиций, в которых степень определённости и способ её выражения напрямую зависит от цели и семантики высказывания [Ekerot, 1998. S. 167-175].

1) Существительное или местоимение.

При повторном упоминании объекта удобнее заменить его название соответствующим личным местоимением: *Chefen har ringt. Han är sjuk idag* ’Позвонил начальник. Он сегодня болен’. Также местоимение может быть употреблено деиктически, то есть обозначать явление, единственно возможное в данной ситуации и известное обоим участникам разговора. К примеру, если говорящий спрашивает *Har hon ringt?* ’Звонила ли она?’, подразумевается, что собеседник сразу понимает, кто имеется в виду.

Существительное в подобных случаях используется лишь при необходимости, когда есть потребность в уточнении. Так, если в предложении *Eva har köpt en ny kappa, och den klär henne* ’Ева купила новое пальто, и оно ей идёт’ возможно заменить слово *kappa* соответствующим местоимением *den*, поскольку говорится только о пальто, то в предложении *Eva har köpt en ny kappa och en ny klänning, och kappan klär henne* ’Ева купила новое пальто и новое платье, пальто ей идёт’ при употреблении местоимения возникнет неясность, так как фраза содержит два существительных одинакового рода.

2) Артикль или его отсутствие.

Вопрос касается прежде всего использования неопределённого артикля при первом упоминании явления. Как правило, исчисляемым существительным предшествует неопределённый артикль, а неисчисляемые не имеют его.

Неисчисляемое существительное может, однако, быть употреблено в значении сорта или конкретного количества того или иного вещества, в таком случае артикль необходим: *Detta är ett dyrt vin* ’Это – дорогое вино’, *en kaffe* ’один кофе’.

Исчисляемое существительное, в свою очередь, иногда выражает общее понятие, и тогда такое слово следует использовать в безартиклевой форме. Это может быть значение вещества или материи (*Vi fick fågel till middag* ’У нас на ужин была птица’), название профессии (*Han är snickare* ’Он столяр’) и прочие неконкретные явления, выраженные существительным, входящим в состав устойчивого глагольного словосочетания (*plocka svamp* ’собирать грибы’, *röka pipa* ’курить трубку’). Кроме того, без артикля употребляются слова, сами по себе являющиеся семантически определёнными, как, например, уже упоминавшиеся термины родства, наименования месяцев и т.д.

3) Определённый или неопределённый артикль.

Выбор одного из показателей обусловлен степенью известности объекта слушателю или читателю. Соответственно, если подразумевается, что слушающий поймёт, какой именно представитель понятия актуален в данном контексте, говорящий употребляет определённую форму существительного: *Bilen står på gatan* ’[Эта, наша] машина стоит на улице’. В противном случае следует выбрать неопределённый артикль: *Det står en bil på gatan* ’На улице стоит [некая] машина’. Л. Экерут сравнивает подобную ситуацию с использованием имени собственного: говорящему следует задуматься, сможет ли собеседник узнать его по телефону, если он представится как Андерс, то есть соотнесено ли его имя с ним самим в сознании слушающего [Ibid. S. 173].

Особым образом определённые и неопределённые формы используются при генерализованном употреблении понятия. В случае когда высказывание справедливо для каждого отдельного представителя некоего класса, существительное стоит в неопределённой форме единственного числа

и имеет неопределённый артикль: *En katt har vassa klor* ’У кошки [любой, каждой] острые когти’. При обозначении нескольких объектов может употребляться неопределённая форма множественного числа: *Katter förekommer vilda i Skottland* ’В Шотландии кошки встречаются в дикой природе’. Если, однако, подчёркивается целостность группы, предпочтительнее использование определённой формы любого числа: *Katten har kraftiga hörntänder* ’У кошки мощные клыки’, *Katterna är vanliga sällskapsdjur* ’Кошки – распространённые домашние животные’ [Svenska Akademiens grammatik, bd. 2, 1999. S. 108-109].

4) Определённый артикль или притяжательное местоимение.

Во многих контекстах определённая форма легко заменяется притяжательным местоимением без искажения смысла высказывания: *Jag ställde bilen på gatan* ’Я поставил машину на улице’ = *Jag ställde min bil på gatan* ’Я поставил свою машину на улице’. Однако замена в обратную сторону возможна, лишь когда с точностью известно, о каком предмете идёт речь. Так, при условии, что лодки в предложении *Pojkar går till sjön och leker med båtarna* ’Мальчики идут к морю и играют с [этими] лодками’ входят в рему высказывания, это предложение не эквивалентно фразе *Pojkar går till sjön och leker med sina båtar* ’Мальчики идут к морю и играют со своими лодками’, поскольку неясно, какие лодки имеются в виду.

Если слово обозначает неотъемлемую часть кого-либо или чего-либо, предпочтительнее будет выбор определённой формы: *huvudet* ’голова’. Когда связь между предметом и его обладателем более свободна, чаще употребляется посессивный оборот: *min bil* ’моя машина’.

5) Неопределённый артикль *en* или неопределённое местоимение *någon*.

Неопределённое местоимение *någon* ’какой-нибудь’ используется в случае, когда сам говорящий не знает, какой конкретно представитель понятия обозначен упоминаемым существительным, или это не имеет значения: *Eva bor i någon by* ’Ева живёт в какой-то деревне’. Напротив,

употребление артикля показывает, что говорящему известен объект речи: *Eva bor i en by* ’Ева живёт в [одной] деревне’.

Någon значительно чаще встречается в общих вопросах: *Har du skjutit någon älg idag?* ’Ты сегодня застрелил какого-нибудь лося?’ Неопределённый артикль в данном контексте задавал бы другое значение: *Har du skjutit en älg? – Nej, en ko* ’Ты застрелил лося? – Нет, корову’.

Кроме того, как уже было сказано, форма множественного числа данного местоимения, *några*, выполняет функцию неопределённого артикля при существительном во множественном числе: *Vi träffade några gamla män* ’Мы встретили [нескольких, неких] стариков’.

2.4 Выводы по главе 2

Категория определённости-неопределённости является одной из важнейших для семантики высказывания. Данная категория может быть выражена с помощью различных языковых средств, но некоторые языки обладают, среди прочего, особыми маркёрами КОН – артиклями. Шведский язык относится к артиклевым.

Становление КОН в шведском языке началось ещё в праскандинавский период его истории. Предпосылкой к её формированию стало использование указательных местоимений в функции артиклей.

Такие местоимения стали основой для определённых артиклей – свободностоящего и суффигированного, имеющегося только в северогерманских языках. Неопределённый артикль развился в более позднее время из числительного «один».

Список показателей рассматриваемой категории не ограничивается, однако, лишь артиклями. В него входят местоимения разных разрядов, такие атрибуты, как посессивный оборот, и даже формы прилагательных. Нормы употребления различных маркёров категории в шведском языке складывались постепенно, и в целом установились к началу XVIII века.

В настоящее время в шведском языке присутствует три артикля. Их формы регулируются грамматическими и фонетическими правилами, а употребление – семантикой. В зависимости от целей высказывания возможна вариативность в использовании показателей КОН, однако основной принцип заключается в том, что при первом упоминании существительное имеет неопределённый артикль, при повторном – определённый, при выражении общего, неконкретного значения – нулевой.

Глава 3. Категория определённости-неопределённости в шведских переводах Библии

3.1 Принципы отбора анализируемого материала

Исследование проведено на материале трёх шведских переводов Библии, изданных, соответственно, в 1703, 1917 и 2000 годах. В качестве объекта анализа взяты тексты Евангелия от Матфея, первой книги Нового Завета. Методом сплошной выборки были выделены необходимые словоформы, и для иллюстрации в данной работе выявленных закономерностей отобраны наиболее показательные примеры из полученного корпуса.

Материал исследования составили именные группы, вершиной которых является существительное, субстантивированное прилагательное или причастие – слова, при употреблении которых необходим выбор того или иного показателя КОН. Выполнен подсчёт таких словоформ. В их число не входят собственные имена, поскольку в текстах Евангелия от Матфея они почти никогда не имеют маркёров рассматриваемой категории. Числительные расцениваются как средства определения, и отсутствие главного слова при наличии числительного трактуется как лакуна, а не субстантивация. Местоимения любого разряда в роли подлежащего или дополнения также не учитываются.

Таким образом, было насчитано 3392 словоформы в первом из анализируемых переводов, 3442 во втором и 3391 в третьем. Подробнее о распределении слов по группам в зависимости от показателей КОН см. Приложение. Далее, сопоставлены соответствующие стихи всех переводов, отмечены случаи совпадения и различия в степени определённости выбранных для изучения словоформ, а также в способах её выражения.

При цитировании приводится минимальный, достаточный для иллюстрации той или иной особенности контекст, поэтому иногда

опускаются части стихов. Описываемые словоформы выделяются курсивом. В скобках указывается год издания книги, номер главы и стиха. Русский вариант взят из Синодального перевода[1]. Поскольку русский текст не всегда совпадает с соответствующим шведским с точки зрения грамматики, при необходимости будет приведён дословный перевод.

3.2 Совпадения в степени определённости и способе её выражения

Количество словоформ, находящихся на одинаковых позициях в исследуемых текстах и полностью совпадающих в способах выражения КОН, довольно велико и составляет 2169 слов, что равно примерно 63% от общего числа анализируемых существительных и субстантиватов в каждом переводе. Большое число сходств между текстами разных эпох свидетельствует об устойчивости рассматриваемой категории, сформировавшейся уже к XVIII веку.

Стоит указать, что некоторые соответствующие стихи сопоставляемых переводов схожи в том, что вершинами содержащихся в них именных групп являются имена собственные или местоимения, не включённые в настоящее исследование. В каждом тексте присутствует 40 стихов такого рода.

Прежде всего, к ним относится подробное перечисление предков Иисуса в начале первой главы:

Salomon födde *Roboam*; *Roboam* födde *Abia*; *Abia* födde *Asa.* (1703, 1:7)

Salomo födde *Roboam*, *Roboam* födde *Abia*. *Abia* födde *Asaf;* ... (1917, 1:7)

Salomo till *Rehabeam*, *Rehabeam* till *Avia*, *Avia* till *Asa,* ... (2000, 1:7)

’*Соломон* родил *Ровоама*; *Ровоам* родил *Авию*; *Авия* родил *Асу*…’

Встречаются предложения, в которых подлежащие и дополнения выражены личными местоимениями в соответствующих падежных формах:

Sade *han* till *dem*: Hvem sägen *I mig* då vara? (1703, 16:15)

Då frågade *han dem*: »Vem sägen då *I mig* vara?» (1917, 16:15)

[1] URL: https://www.bibleonline.ru/bible/rus/40/01

»Och *ni*«, frågade *han*, »vem säger *ni* att *jag* är?« (2000, 16:15)
’*Он* говорит *им*: а *вы* за кого почитаете *Меня*?’

В некоторых случаях наблюдается опущение существительного, а в роли подлежащего выступают неопределённые местоимения со значением количества:

Ty *månge* äro kallade, och *få* utkorade. (1703, 22:14)
Ty *många* äro kallade, men *få* utvalda.» (1917, 22:14)
Många är bjudna, men *få* är utvalda.« (2000, 22:14)
’ибо много званых, а мало избранных’ (досл. ’*многие* позваны, но *немногие* избраны’).

Большинство сходств между изучаемыми текстами наблюдается, впрочем, в стихах, содержащих существительные или субстантиваты, и тем самым имеющих прямое отношение к КОН. Удобнее будет распределить такие случаи по группам на основании наличия тех или иных показателей исследуемой категории. Цифры, приведённые в данном разделе, характеризуют не общее количество словоформ рассматриваемой группы в каждом из текстов, а число совпадений на одинаковых позициях во всех трёх переводах.

3.2.1 Определённая форма

Больше всего сходств между тремя переводами обнаруживается в использовании определённой формы – 890 случаев, или 41% от общего числа соответствий.

Согласно основным правилам шведской грамматики существительное имеет определённую форму при обозначении объекта, знакомого слушателю или читателю [Ekerot, 1998. S. 161]. Часто такая известность задаётся контекстом, когда вновь заходит речь о чём-либо упомянутом ранее. Среди всех сходств рассматриваемого типа можно выделить 438 словоформ, определённая форма которых обусловлена именно повторным называнием.

Так, в главе 22 Евангелия от Матфея рассказывается история неких семи братьев. Старший из них женился, однако умер, не оставив наследников, в связи с чем его вдову должен был взять в жёны следующий брат. Ситуация повторялась, пока не скончался последний из братьев. Наконец, умерла сама женщина:

Sist af allom blef ock *qvinnan* död. (1703, 22:27)

Sist av alla dog *hustrun*. (1917, 22:27)

Sist av alla dog *kvinnan*. (2000, 22:27)

’после же всех умерла и *жена*’.

Существительное в данном случае имеет определённую форму, поскольку ясно, кто имеется в виду.

Контекстуальная определённость наблюдается и в другом стихе:

Då voro der Maria Magdalena, och *den andra Maria*, sittande emot *grafvena*. (1703, 27:61)

Men Maria från Magdala och *den andra Maria* voro där, och de sutto gent emot *graven*. (1917, 27:61)

Maria från Magdala och *den andra Maria* var där och satt mitt emot *graven*. (2000, 27:61)

’Была же там Мария Магдалина и *другая Мария*, которые сидели против *гроба*’.

Могила, или гроб, Иисуса уже упоминается ранее в той же главе, в стихе 60, поэтому оправданно наличие у данного слова определённого суффигированного артикля. Кроме того, в этом же примере можно увидеть свободностоящий определённый артикль при имени собственном – *den andra Maria* ’другая Мария’. Само имя при этом не меняет своей формы, поскольку собственные имена, в отличие от нарицательных, не присоединяют суффигированные артикли при наличии определения [Svenska Akademiens grammatik, bd. 2, 1999. S. 147]. О Марии также говорилось ранее, а именно в стихе 56, вследствие чего и она должна быть известна читателю.

В следующем примере определённость задана ситуацией:

Derföre, om de då säga till eder: Si, han är *uti öknene*; går icke ut: Si, han är *i kammaren*; tror det icke. (1703, 24:26)

Därför, om man säger till eder: 'Se, han är *i öknen*', så gån icke ditut, eller: 'Se, han är inne *i huset*', så tron det icke. (1917, 24:26)

Om ni alltså får höra: Han är ute *i öknen*, så gå inte dit, eller: Han är inne *i kammaren*, så tro det inte. (2000, 24:26)

’Итак, если скажут вам: «вот, Он *в пустыне*», — не выходите; «вот, Он *в потаенных комнатах*», — не верьте’.

Подразумевается, что слушающий будет находиться в непосредственной близости от упоминаемых пустыни или комнаты, и они будут восприняты им как вполне конкретные.

Встречаются случаи, когда первое и повторное упоминание чего-либо, а значит, и переход от неопределённости к определённости имеет место в пределах одного стиха:

Och der församlades *mycket folk* till honom, så att han steg uti ett skepp, och satte sig; och *allt folket* stod på strandene. (1703, 13:2)

Då församlade sig *mycket folk* omkring honom. Därför steg han i en båt; och han satt i den, medan *allt folket* stod på stranden. (1917, 13:2)

Det samlades *mycket folk* omkring honom, och därför steg han i en båt och satt i den medan *allt folket* stod på stranden. (2000, 13:2)

’И собралось к Нему *множество народа*, так что Он вошел в лодку и сел; а *весь народ* стоял на берегу’.

Многократно упоминаются, а потому всегда определённы ученики Иисуса:

När *Lärjungarna* detta hörde, vordo de ganska förfärade… (1703, 19:25)

När *lärjungarna* hörde detta, blevo de mycket häpna… (1917, 19:25)

När *lärjungarna* hörde det blev de bestörta… (2000, 19:25)

’Услышав это, *ученики Его* весьма изумились’.

Вариант с определённой формой встречается 19 раз. Чаще, в 31 случае, наблюдается совпадение в выражении данного понятия конструкцией с

притяжательным местоимением (к примеру, *hans lärjungar* ’Его ученики’ в ст. 8:23), поскольку такой оборот в целом более характерен для Библии 1703 года, чем форма с определённым артиклем.

Определённая форма употребляется и при выражении так называемой имплицитной определённости [Ekerot, 1998. S. 161], то есть при обозначении предмета, воспринимаемого как неотъемлемая часть кого-либо или чего-либо, например:

Och räckte ut *handena* åt sina Lärjungar... (1703, 12:49)

Och han räckte ut *handen* mot sina lärjungar... (1917, 12:49)

Och han visade med *handen* på sina lärjungar... (2000, 12:49)

’И, указав *рукою Своею* на учеников Своих...’

Не всегда в тексте присутствует конкретный обладатель упоминаемого предмета. Так, в стихе 15:18 существительные выражают скорее общие понятия, однако определённость сохраняется, поскольку речь идёт о том, что имеется у каждого человека:

Men det, som går ut af *munnen*, det kommer ifrå *hjertat*... (1703, 15:18)

Men vad som går ut ifrån *munnen*, det kommer från *hjärtat*... (1917, 15:18)

Men det som går ut ur *munnen* kommer från *hjärtat*... (2000, 15:18)

’а исходящее из *уст* – из *сердца* исходит’.

Под неотъемлемой частью не обязательно понимается именно часть тела. К примеру, в нижеследующем стихе говорится о предмете одежды:

Och när de hade begabbat honom klädde de *mantelen* af honom... (1703, 27:31)

Och när de så hade begabbat honom, klädde de av honom *manteln*... (1917, 27:31)

Och när de hade hånat honom tog de av honom *kappan*... (2000, 27:31)

’И когда насмеялись над Ним, сняли с Него *багряницу*...’

Примечательно, что наименования частей тела в 6 раз чаще употреблены в определённой форме, чем названия предметов одежды – 24 случая против 4. Это связано, однако, с тем, что самих лексем, обозначающих детали одежды, в целом значительно меньше.

Определённой формой единственного числа может быть обозначен целый класс объектов, при этом акцент делается на типичном для них качестве [Svenska Akademiens grammatik, bd. 2, 1999. S. 22]:

Men der som *åtelen* är, dit församla sig ock örnarna. (1703, 24:28)

Där *åteln* är, dit skola rovfåglarna församla sig. (1917, 24:28)

Där *kadavret* ligger, där samlas gamarna. (2000, 24:28)

’ибо, где будет *трупп*, там соберутся орлы’.

В таком значении определённая форма существительных встречается в Евангелии от Матфея довольно часто – 91 раз. Второе существительное в данном предложении, также имеющее суффигированный определённый артикль, – *örnarna* ’орлы’ / *rovfåglarna* ’хищные птицы’ / *gamarna* ’стервятники’ – подчиняется другому аспекту того же правила: определённая форма множественного числа также нередко используется для обозначения всех представителей какой-либо группы или целого рода [Ibid. S. 110]. Насчитано 76 таких употреблений определённой формы на одинаковых позициях в рассматриваемых переводах, и чаще речь идёт не о животных, как в вышеупомянутом стихе, а о людях:

Allt det I nu viljen *menniskorna* skola göra eder, det görer I ock dem... (1703, 7:12)

Därför, allt vad I viljen att *människorna* skola göra eder, det skolen I ock göra dem... (1917, 7:12)

Allt vad ni vill att *människorna* skall göra för er, det skall ni också göra för dem. (2000, 7:12)

’Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали *люди*, так поступайте и вы с ними’.

В качестве ещё одного примера можно привести фразу, содержащую именную группу с субстантивированным прилагательным в функции вершины:

Salige äro *de saktmodige*; ty de skola besitta jordena. (1703, 5:5)

Saliga äro *de saktmodiga*, ty de skola besitta jorden. (1917, 5:5)

Saliga *de ödmjuka*, de skall ärva landet. (2000, 5:5)
’Блаженны *кроткие*, ибо они наследуют землю’.

Кроме того, анализируемые тексты характеризуются наличием ряда слов, также имеющих суффигированный определённый артикль при первом упоминании, но не выражающих ни имплицитную определённость, ни понятие целого вида. Выделяется 35 сходств в употреблении таких словоформ в переводах. Прежде всего, среди них можно выделить устойчивые сочетания имени персонажа и обозначения рода его деятельности. Подобным образом в повествование вводятся, в частности, отсылки к словам пророков:

Då blef fullkomnadt det som af *Jeremia Propheten* sagdt var... (1703, 2:17)
Då fullbordades det som var sagt genom *profeten Jeremias*... (1917, 2:17)
Då uppfylldes det som sagts genom *profeten Jeremia*... (2000, 2:17)
’Тогда сбылось реченное через *пророка Иеремию*’.

Сюда относится и имя Иоанна Крестителя, в современной грамматике расцениваемое как лексикализованная именная группа [Ibid. S. 146]:

Och sade till sina tjenare: Denne är *Johannes Döparen*. (1703, 14:2)
Då sade han till sina tjänare: »Det är *Johannes döparen*. (1917, 14:2)
och han sade till sina tjänare: »Det är *Johannes döparen*. (2000, 14:2)
’и сказал служащим при нем: это *Иоанн Креститель*’.

Определённый артикль сопровождает также титул Понтия Пилата, отчасти в силу самой семантики: правитель чаще всего может быть только один:

Och ledde honom bundnan, och öfverantvardaden *landshöfdinganom Pontio Pilato*. (1703, 27:2)
Och de läto binda honom och förde honom bort och överlämnade honom åt *Pilatus, landshövdingen*. (1917, 27:2)
De lät binda honom, förde bort honom och överlämnade honom åt *Pilatus, ståthållaren*. (2000, 27:2)
’и, связав Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, *правителю*’.

Похожим значением уникальности обладает лексема ’Господь’, применимая к Богу (17 употреблений):

Då sade Jesus till honom: Du skall älska *Herran* din Gud... (1703, 22:37)

Då svarade han honom: »'Du skall älska *HERREN*, din Gud... (1917, 22:37)

Han svarade honom: »Du skall älska *Herren*, din Gud... (2000, 22:37)

’Иисус сказал ему: возлюби *Господа* Бога твоего...’

В подавляющем большинстве случаев (об исключениях будет сказано в разделе о различиях между переводами) показатели определённости присутствуют у существительных, обозначающих единственные в своём роде объекты:

...ske din vilje, såsom i *himmelen*, så ock på *jordene*. (1703, 6:10)

...ske din vilja, såsom i *himmelen*, så ock på *jorden*; (1917, 6:10)

Låt din vilja ske, på *jorden* så som i *himlen*. (2000, 6:10)

’да будет воля Твоя и на *земле*, как на *небе*’.

В эту же группу слов включаются наименования небесных тел:

Men straxt efter den tidsens vedermödo skall *solen* blifva mörk, och *månen* skall icke gifva sitt sken, och *stjernorna* skola falla af *himmelen*... (1703, 24:29)

Men strax efter den tidens vedermöda skall *solen* förmörkas och *månen* upphöra att giva sitt sken, och *stjärnorna* skola falla ifrån *himmelen*... (1917, 24:29)

Strax efter den tidens lidanden skall *solen* förmörkas och *månen* mista sitt sken. *Stjärnorna* skall falla från *skyn*... (2000, 24:29)

’И вдруг, после скорби дней тех, *солнце* померкнет, и *луна* не даст света своего, и *звезды* спадут с *неба*…’

Лексемы, называющие уникальные понятия, появляются на одинаковых позициях в анализируемых переводах 152 раза.

Нередко использование артикля регулируется довольно рано установившимися грамматическими правилами.

Так, при наличии у главного слова определения, выраженного прилагательным, суффигированный определённый артикль должен дублироваться свободностоящим артиклем:

Och gingo ut af sina grafvar, efter hans uppståndelse, och kommo i *den heliga staden*, och uppenbarades mångom. (1703, 27:53)
De gingo ut ur sina gravar och kommo efter hans uppståndelse in i *den heliga staden* och uppenbarade sig för många. (1917, 27:53)
och efter hans uppståndelse lämnade de sina gravar och gick in i *den heliga staden* och kunde ses av många. (2000, 27:53)
’и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во *святый град* и явились многим’.

В другом примере прилагательные, играющие роль определения, употреблены в превосходной степени:
Detta är *det yppersta och största budet*. (1703, 22:38)
Detta är *det yppersta och förnämsta budet*. (1917, 22:38)
Detta är *det största och första budet*. (2000, 22:38)
’сия есть *первая и наибольшая заповедь*’.

Если, однако, в качестве определения выступает порядковое числительное, существительное также стоит в определённой форме, но не имеет препозитивного артикля:
Och de skola dräpa honom, och *tredje dagen* skall han stå upp igen. (1703, 17:23)
och man skall döda honom, men på *tredje dagen* skall han uppstå igen. (1917, 17:23)
och de kommer att döda honom, och på *tredje dagen* skall han uppstå. (2000, 17:23)
’и убьют Его, и в *третий день* воскреснет’.

Также, согласно правилу, определённую форму имеют названия частей суток при употреблении в устойчивых выражениях для обозначения времени совершения действия:
Säger, hans Lärjungar kommo *om nattena*, och stulo honom bort, medan vi sofvo. (1703, 28:13)
»Så skolen I säga: 'Hans lärjungar kommo *om natten* och stulo bort honom, medan vi sovo.' (1917, 28:13)

»Säg att hans lärjungar kom *under natten* och rövade bort honom medan ni sov. (2000, 28:13)
’скажите, что ученики Его, придя *ночью*, украли Его, когда мы спали’.

Таким образом, чаще всего (почти в 50% случаев) определённая форма употребляется в рассматриваемых текстах при повторном назывании уже известного слушателю объекта, что является основным принципом её использования. Также форма с суффигированным определённым артиклем частотна при обозначении целого класса предметов. Кроме того, такая форма встречается в ряде устойчивых выражений, среди которых наименования уникальных явлений. С помощью определённой формы существительного может выражаться так называемая имплицитная определённость, однако в анализируемых текстах такой способ нечастотен: предпочтение отдаётся посессивному определению.

Во всех переводах главное слово определённой именной группы имеет, согласно норме, принятой на раннем этапе развития языка, два определённых артикля – суффигированный и свободностоящий – при наличии определения, выраженного прилагательным или причастием; перед числительным в роли атрибута артикль не ставится.

3.2.2 Неопределённая форма

Под неопределённой формой понимается, как уже было сказано, словоформа, не имеющая суффигированного определённого артикля, однако, что важно, сама по себе не являющаяся маркёром именно неопределённости, поскольку во многих случаях она употребляется с другими показателями КОН. Поэтому в данном разделе будут рассмотрены и вполне определённые с точки зрения семантики конструкции, как, например, посессивная.

3.2.2.1 Форма с нулевым артиклем

Случаев, где во всех трёх переводах используется безартиклевая форма, относительно немного, а именно 370, или около 17% от всего количества

совпадений. Привести точную статистику по разным типам употреблений описанных в данном пункте словоформ не представляется возможным вследствие неоднозначности семантики: к примеру, далеко не всегда очевидно, выражает ли лексема общее значение или не имеет артикля по той причине, что она входит в состав глагольного словосочетания. Кроме того, у многих шведских слов, принадлежащих к среднему роду, совпадают формы единственного и множественного числа, а следовательно, не во всех случаях можно отличить семантически значимое отсутствие артикля от обусловленного грамматикой. Сами принципы употребления безартиклевой формы выделяются, однако, довольно просто.

Прежде всего, нулевой артикль имеют слова, не обозначающие отдельный объект как образец понятия, а передающие общее значение. Так, когда Иисус произносит следующую фразу, –

De helbregda behöfva icke *läkare*, utan de kranke; (1703, 9:12)

»Det är icke de friska som behöva *läkare*, utan de sjuka. (1917, 9:12)

»Det är inte de friska som behöver *läkare*, utan de sjuka. (2000, 9:12)

’не здоровые имеют нужду во *враче*, но больные’.

– он говорит о враче как таковом, о любом представителе данной профессии.

Тот же принцип справедлив для выбора «голой» формы существительного в другом стихе. Царь небесный обращается к праведникам со следующими словами:

...jag var *i häktelse*, och I kommen till mig (1703,25:36)

...jag var *i fängelse*, och I kommen till mig (1917, 25:36)

...jag satt *i fängelse* och ni besökte mig (2000, 25:36)

’...*в темнице* был, и вы пришли ко Мне’.

Слово ’темница’ – *häktelse* / *fängelse* – употреблено именно в таком виде, поскольку оно обозначает не конкретную тюрьму, а нахождение в неволе вообще.

В шведском языке присутствует ряд устойчивых сочетаний глагола с существительным, в которых последнее не имеет показателей КОН именно в

силу абстрактности своего значения, например, *åka tåg* ’ехать поездом’, *spela piano* ’играть на пианино’ [Språkriktighetsboken, 2005. S. 119]. Подобные конструкции можно обнаружить и в текстах Евангелия от Матфея, как, например, в стихе 26 тринадцатой главы:

Då nu säden växte, och *bar frukt*, syntes ock ogräset. (1703, 13:26)

När nu säden sköt upp och *satte frukt*, så visade sig ock ogräset. (1917, 13:26)

När säden växte upp och *gick i ax* visade sig också ogräset. (2000, 13:26)

’когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы’ (досл. ’когда зёрна взошли и *принесли плоды*…’)

В качестве других примеров словосочетаний данного вида можно привести следующие обороты (ввиду несовпадения лексем в разных переводах по порядку перечислены варианты из каждого текста): *ropade af räddhåga* / *ropade av förskräckelse* / *skrek av rädsla* ’от страха вскричали’(14:26), *hålla räkenskap* / *hålla räkenskap* / *ha redovisning* ’сосчитаться (досл. провести подсчёт)’(18:23), *givfa* / *giva* / *betala skatt* ’давать подать’(22:17).

Нарицательные имена, выполняющие функцию обращения, также в норме не имеют артикля. Укоряя неправедных, Иисус начинает свою речь словами:

Ve eder, *Skriftlärde och Phariseer*; *I skrymtare*... (1703, 23:13)

Ve eder, *I skriftlärde och fariséer*, *I skrymtare*... (1917, 23:13)

Ve er, *skriftlärda och fariseer*, *ni hycklare*... (2000, 23:13)

’Горе вам, *книжники и фарисеи*, *лицемеры*’.

Самого Спасителя при обращении к нему называют *Herre* ’Господи’, как в стихе 20:33, или *Mästare* ’Учитель’ (22:36).

Обычно без показателей КОН употребляются термины родства, однако в анализируемых текстах они редко встречаются в такой форме. Одним из немногих примеров здесь может послужить стих 10:37:

Hvilken som älskar *fader* och *moder* mer än mig, han är mig icke värd; och hvilken som älskar *son* eller *dotter* mer än mig, han är mig icke värd. (1703, 10:37)

Den som älskar *fader* eller *moder* mer än mig, han är mig icke värdig, och den som älskar *son* eller *dotter* mer än mig, han är mig icke värdig; (1917, 10:37)
Den som älskar *far* eller *mor* mer än mig, han är inte värd att tillhöra mig, och den som älskar *son* eller *dotter* mer än mig, han är inte värd att tillhöra mig. (2000, 10:37)
’Кто любит *отца* или *мать* более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит *сына* или *дочь* более, нежели Меня, не достоин Меня’.
Гораздо чаще при существительных данного семантического поля присутствует определение, выраженное притяжательным местоимением, о чём будет сказано в соответствующем пункте.

Традиционно не имеет артикля одно из ключевых слов Священного Писания – Бог, несмотря на присущую данному понятию уникальность. Особенно показательно в этом плане следующее предложение, где в соседстве с рассматриваемым существительным употреблён титул *kejsaren* ’кесарь’, имеющий определённый суффигированный артикль:
Så gifver Kejsarenom det Kejsarenom tillhörer, och *Gudi* det *Gudi* tillhörer. (1703, 22:21)
»Så given då kejsaren vad kejsaren tillhör, och *Gud* vad *Gud* tillhör.» (1917, 22:21)
»Ge då kejsaren det som tillhör kejsaren och *Gud* det som tillhör *Gud*.« (2000, 22:21)
’итак отдавайте кесарево кесарю, а *Божие Богу*’.

Согласно нормам шведской грамматики, без артикля используются неисчисляемые существительные, как в следующем случае:
Gåfvo de honom *ättiko* dricka, blandad med *galla*... (1703, 27:34)
räckte de honom *vin* att dricka, blandat med *galla*... (1917, 27:34)
gav de honom *vin* att dricka, blandat med *galla*. (2000, 27:34)
’дали Ему пить *уксуса*, смешанного с *желчью*’.

Наконец, как известно, в шведском языке не существует неопределённого артикля для множественного числа, поэтому даже явное

значение неопределённости, как в составе сравнительного оборота, обычно не имеет особого грамматического выражения:

Si, jag sänder eder såsom *får* ibland *ulfvar*; varer fördenskull snälle såsom *ormar*, och enfaldige som *dufvor*. (1703, 10:16)

Se, jag sänder eder åstad såsom *får* mitt in ibland *ulvar*. Varen fördenskull kloka såsom *ormar* och menlösa såsom *duvor*. (1917, 10:16)

Jag skickar er som *får* in bland *vargar*. Var därför kloka som *ormar* och oskyldiga som *duvor*. (2000, 10:16)

’Вот, Я посылаю вас, как *овец* среди *волков*: итак будьте мудры, как *змии*, и просты, как *голуби*’.

Здесь можно привести пример и с субстантивированными прилагательными в роли подлежащих:

Och till honom kommo *blinde* och *halte* i templet; och han gjorde dem helbregda. (1703, 21:14)

Och *blinda* och *halta* kommo fram till honom i helgedomen, och han botade dem. (1917, 21:14)

Blinda och *lytta* kom fram till honom i templet, och han botade dem. (2000, 21:14)

’И приступили к Нему в храме *слепые* и *хромые*, и Он исцелил их’.

Итак, безартиклевая форма исчисляемых существительных употребляется в шведских версиях Евангелия от Матфея в своей основной функции – передавать неконкретное, общее значение, в том числе у слов, входящих в состав устойчивых глагольных словосочетаний. Кроме того, не имеют артикля обращения и, в немногих случаях, термины родства, а также лексема *Бог*.

Артикль отсутствует перед неисчисляемыми существительными, а также не существует неопределённого артикля для множественного числа.

3.2.2.2 Неопределённая форма в посессивной конструкции

Насчитано 603 совпадения между переводами в употреблении именных групп с определением, выраженным существительным в родительном падеже

или притяжательным местоимением, что составляет примерно 27,8% от общего числа соответствий. Это второе по частотности сходство в использовании показателей определённости между анализируемыми текстами.

Словосочетания такого типа выражают разного рода отношения между предметом и его обладателем. Примечательно, что в подавляющем большинстве примеров (429) в качестве указания на субъект владения выступает притяжательное местоимение, поскольку часто лицо, которому принадлежит упоминаемый объект, уже названо ранее и, во избежание лексического повтора, заменено местоимением либо является в данной ситуации говорящим или слушателем.

Как и в случае с определённой формой, такая именная группа может обозначать неотъемлемую часть целого объекта, например, часть тела человека:

Men när du fastar, så smörj *ditt hufvud*, och två *ditt ansigte*; (1703, 6:17)
Nej, när du fastar, smörj då *ditt huvud* och två *ditt ansikte*, (1917, 6:17)
Nej, när du fastar, smörj in *ditt hår* och tvätta *ditt ansikte*, (2000, 6:17)
’А ты, когда постишься, помажь *голову твою* и умой *лице твое*’.

Речь может идти и об одежде:

Måtte jag allenast komma vid *hans kläder*, så blefve jag helbregda. (1703, 9:21)
»Om jag allenast får röra vid *hans mantel*, så bliver jag hulpen.» (1917, 9:21)
»Får jag bara röra vid *hans kläder*, så blir jag hjälpt.« (2000, 9:21)
’если только прикоснусь к *одежде Его*, выздоровею’.

Вновь количество слов, обозначающих часть тела, в несколько раз превышает число наименований предметов одежды: 78 и 16 употреблений соответственно. Такое различие также вызвано большей частотностью существительных первого типа в целом.

Как отмечено ранее, нередко притяжательными местоимениями уточняются термины родства (162 словоформы на сходных позициях во всех текстах):

Hvilken är *min moder*, och hvilke äro *mine bröder*? (1703, 12:48)
»Vilken är *min moder*, och vilka äro *mina bröder*?» (1917, 12:48)
»Vem är *min mor*, och vilka är *mina bröder*?« (2000, 12:48)
’кто *Матерь Моя*? и кто *братья Мои*?’

То же справедливо для выражения другого рода отношений человека с окружающими:

I hafven hört, att det är sagdt: Du skall älska *din nästa*, och hata *din fienda*. (1703, 5:43)
I haven hört att det är sagt: 'Du skall älska *din nästa* och hata *din ovän*.' (1917, 5:43)
Ni har hört att det blev sagt: Du skall älska *din nästa* och hata *din fiende*. (2000, 5:43)
’Вы слышали, что сказано: люби *ближнего твоего* и ненавидь *врага твоего*’.

Насчитано 77 словосочетаний с такой семантикой.

Прочие обороты данного типа могут передавать различные значения: владение предметом (*mitt hus* ’дом Мой’ (21:13), обладание качеством (*deras härlighet* ’слава их’ (4:8), отношение между создателем и продуктом (*dina ord* ’слова твои’ (12:37).

Особое место занимают словосочетания типа ’создание мира’ – *verldenes begynnelse* / *världens begynnelse* / *världens skapelse* (13:35) – и ’кончина мира’ – *verldenes ända* / *tidens ände* / *världens slut* (13:49). В «Академической грамматике шведского языка» они рассматриваются как связанные посессивные определения с отглагольным существительным, и семантически такая конструкция соответствует предложению [Svenska Akademiens grammatik, bd. 3, 1999. S. 32].

Также стоит отметить словосочетание *för någons skull* ’ради кого-то’, встречающееся в параллельных стихах анализируемых текстов 17 раз:

...men *för de utvaldas skull* skola de dagar varda förstäckte. (1703, 24:22)
...men *för de utvaldas skull* skall den tiden bliva förkortad. (1917, 24:22)
Men *för de utvaldas skull* kommer den tiden att förkortas. (2000, 24:22)

’но *ради избранных* сократятся те дни’.

Таким образом, посессивные конструкции выражают значение определённости и употребляются, когда необходимо подчеркнуть отношение упоминаемого объекта к другим явлениям и лицам.

3.2.2.3 Форма с другими определениями

Наблюдается 155 одинаковых употреблений неопределённой формы с различными показателями КОН, что составляет 7% от всех сходств между переводами.

Выбор частей речи, выражающих подобного типа определение, невелик: это может быть количественное числительное, как в нижеследующем стихе:

Vi hafve här icke mer än *fem bröd* och *två fiskar*. (1703, 14:17)
»Vi hava här icke mer än *fem bröd* och *två fiskar*.» (1917, 14:17)
»Här har vi inte mer än *fem bröd* och *två fiskar*.« (2000, 14:17)
’у нас здесь только *пять хлебов* и *две рыбы*’.

… либо местоимение со значением количества:

Och *månge falske Propheter* skola uppkomma, och förföra många. (1703, 24:11)
Och *många falska profeter* skola uppstå och skola förvilla många. (1917, 24:11)
Många falska profeter skall framträda och bedra många. (2000, 24:11)
’и *многие лжепророки* восстанут, и прельстят многих’.

Кроме того, неопределённую форму имеет существительное, являющееся вершиной вопросительной именной группы и сопровождаемое вопросительным словом, которое в некотором смысле также играет роль определения:

Hvars beläte och öfverskrift är detta? (1703, 22:20)
»*Vems bild och överskrift* är detta?» (1917, 22:20)
»*Vems bild och namn* är det här?« (2000, 22:20)
’*чье это изображение и надпись*?’

Тому же правилу подчиняются и относительные именные группы:

Vaker fördenskull; ty I veten icke, *hvad stund* edar Herre varder kommandes. (1703, 24:42)
Vaken fördenskull; ty I veten icke *vilken dag* vår Herre kommer. (1917, 24:42)
Håll er därför vakna, ty ni vet inte *vilken dag* er herre kommer. (2000, 24:42)
'Итак бодрствуйте, потому что не знаете, *в который час* Господь ваш приидет'.

Из вышесказанного следует, что правила употребления главного слова именной группы в безартиклевой форме после таких атрибутов, как количественные числительные, количественные, вопросительные и относительные местоимения, установились к моменту создания Библии Густава Васы и впоследствии не изменялись.

3.2.2.4 Форма с неопределённым артиклем

Существительных с неопределённым артиклем во всех трёх текстах меньше всего. Это связано с самой функцией такого артикля: выражать понятие, новое для контекста. Соответственно, в данном случае наблюдается самый небольшой процент совпадений между переводами: 145 словоформ, или примерно 6,7% от всех сходств.

Согласно правилам шведской грамматики, исчисляемое существительное должно сопровождаться неопределённым артиклем при первом своём появлении в тексте:
Då kallade Jesus fram *ett barn*, och ställde det midt ibland dem; (1703, 18:2)
Då kallade han fram *ett barn* och ställde det mitt ibland dem (1917, 18:2)
Han kallade till sig *ett barn* och ställde det framför dem (2000, 18:2)
'Иисус, призвав *дитя*, поставил его посреди них'.

Любопытным образом распределяется степень определённости в следующем случае:
Eller, huru säger du dinom broder: Håll, jag vill taga ut *grandet* af ditt öga; och si, *en bjelke* är i ditt öga? (1703, 7:4)

Eller huru kan du säga till din broder: 'Låt mig taga ut *grandet* ur ditt öga', du som har *en bjälke* i ditt eget öga? (1917, 7:4)
Och hur kan du säga till din broder: Låt mig ta bort *flisan* ur ditt öga – du som har *en bjälke* i ditt öga? (2000, 7:4)
’Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну *сучок* из глаза твоего», а вот, в твоем глазе *бревно*?’
В данной фразе выделяется несколько уровней повествования: цитируемые автором слова Иисуса и передаваемое Иисусом потенциальное высказывание другого персонажа. При этом подразумевается, что слушающий будет знать о постороннем предмете в своём глазу, и должен понять, что имеет в виду говорящий. Однако говорящий, в свою очередь, не догадывается о наличии ’бревна’ в своём глазу, поэтому для него оно остаётся неопределённым. Таким образом, как отмечает В.Б. Кашкин, неопределённый артикль «предстаёт как средство выражения относительности точки зрения» [Кашкин, 2001. С. 143].

Как правило, имеет неопределённый артикль существительное, входящее в сравнительный оборот. Так, в третьей главе описывается ситуация, произошедшая после крещения Иисуса:
...och han såg Guds Anda nederfara *som en dufva*, och komma öfver honom. (1703, 3:16)
...och han såg Guds Ande sänka sig ned *såsom en duva* och komma över honom. (1917, 3:16)
...och han såg Guds ande komma ner *som en duva* och sänka sig över honom. (2000, 3:16)
’...и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, *как голубь*, и ниспускался на Него’.

Неопределённая форма единственного числа нередко употребляется, когда подразумевается, что сказанное справедливо для каждого отдельного представителя некоего понятия [Svenska Akademiens grammatik, bd. 3, 1999. S. 108]. Так, Иисус поучает своих последователей:

Ett godt trä kan icke bära onda frukt; icke kan heller *ett ondt trä* bära goda frukt. (1703, 7:18)

Ett gott träd kan icke bära ond frukt, ej heller kan *ett dåligt träd* bära god frukt. (1917, 7:18)

Ett gott träd kan inte bära dålig frukt, inte heller kan *ett uselt träd* bära bra frukt. (2000, 7:18)

’Не может *дерево доброе* приносить плоды худые, ни *дерево худое* приносить плоды добрые’.

Есть случаи, когда наименование рода деятельности употребляется с артиклем, хотя не имеет характеризующего определения:

Och han hade gerna dräpit honom; men han räddes för folket; ty de höllo honom för *en Prophet*. (1703, 14:5)

Och han hade velat döda honom, men han fruktade för folket, eftersom de höllo honom för *en profet*. (1917, 14:5)

Herodes ville döda honom men vågade inte för folket, som menade att Johannes var *en profet*. (2000, 14:5)

’И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за *пророка*’.

В данном контексте на первый план выходят качества, присущие пророку, вследствие наличия которых ему нельзя причинять вред, а не сам факт принадлежности персонажа к данному типу.

Итак, существительных с неопределённым артиклем во всех трёх переводах мало, так как в них нечасто появляются новые для контекста понятия, при которых такой артикль обязателен. Также относительно редко встречаются сравнительные обороты и генерализованное употребление форм с неопределённым артиклем.

3.3 Различия в способах выражения КОН

Несоответствия в использовании тех или иных маркёров рассматриваемой категории в основном сводятся к выбору различных средств выражения определённости, поскольку и самих определённых именных фраз

в текстах больше. Впрочем, возможна вариативность и при передаче значения неопределённости. Кроме того, отдельного внимания заслуживают формы без показателей, выражающие общие понятия.

3.3.1 Определённость

Различия в способах выражения определённости заключаются, прежде всего, в выборе определённой формы или посессивной конструкции. В раннем переводе наблюдается тенденция к использованию оборотов с генитивом, в последнем – к употреблению определённой формы. Текст 1917 года с этой точки зрения находится в промежуточном положении. Соответственно, возможны несколько вариантов распределения способов выражения категории между переводами.

Так, довольно часто, а именно в 45 случаях, первые два текста имеют посессивную конструкцию, а третий – определённую форму:

Jesus stod upp, och följde honom, och *hans Lärjungar*. (1703, 9:19)

Då stod Jesus upp och följde honom med *sina lärjungar*. (1917, 9:19)

Då reste sig Jesus och gick med honom, och *lärjungarna* följde efter. (2000, 9:19)

’И встав, Иисус пошел за ним, и *ученики Его*’.

В стихе 16:19 определённая форма в Библии 2000 сопровождается предложным дополнением, выраженным существительным *himmelriket* ’Царствие Небесное’, в предыдущих переводах выступающим в роли определения в родительном падеже:

Och jag skall gifva dig *himmelrikets nycklar*. (1703, 16:19)

Jag skall giva dig *himmelrikets nycklar*... (1917, 16:19)

Jag skall ge dig *nycklarna till himmelriket*. (2000, 16:19)

’и дам тебе *ключи Царства Небесного*’.

Примеров, когда первый перевод содержит оборот с притяжательным определением, а последующие – определённую форму, чуть больше, а именно, 46. Такую картину можно наблюдать в стихе 10 одиннадцатой главы:

Si, jag sänder min Ängel för ditt ansigte, hvilken skall tillreda *din väg* för dig. (1703, 11:10)

'Se, jag sänder ut min ängel framför dig, och han skall bereda *vägen* för dig.' (1917, 11:10)

Se, jag sänder min budbärare före dig, han skall bereda *vägen* för dig. (2000, 11:10)

’се, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит *путь Твой* пред Тобою’.

В двух последних примерах представлена замена посессивного оборота определённой формой с предложным оборотом. Э. Велландер подчёркивает характерность таких конструкций для разговорной речи [Wellander, 1947. S. 182]. Вероятно, такой переход в анализируемых текстах произошёл в связи со сближением устной и письменной речи и стремлением переводчиков отразить данные изменения.

Нет случаев, когда в текстах 1703 и 2000 годов был бы употреблён оборот с генитивом, а на соответствующей позиции в переводе 1917 года – определённая форма.

Насчитано 9 словоформ, стоящих в родительном падеже только в последнем из переводов, а в предыдущих имеющих определённый артикль, например:

De öfvergåfvo straxt *näten*, och följde honom. (1703, 4:20)

Strax lämnade de *näten* och följde honom. (1917, 4:20)

och de lämnade genast *sina nät* och följde honom. (2000, 4:20)

’И они тотчас, оставив *сети*, последовали за Ним’.

В четырёх стихах наблюдается чередование определённая форма – посессивная конструкция – определённая форма.

Так, в главе 21 рассказывается притча о нечестном хозяине, пославшем своего сына отобрать урожай, взращённый виноградарями. Поскольку существительное ’сын’ появляется в тексте ранее, в данном стихе оно имеет

определённую форму или же может быть уточнено притяжательным местоимением:

Men när vingårdsmännerna sågo *sonen*, sade de emellan sig... (1703, 21:38)

Men när vingårdsmännen fingo se *hans son*, sade de till varandra... (1917, 21:38)

Men när arrendatorerna fick se *sonen* sade de till varandra... (2000, 21:38)

’Но виноградари, увидев *сына*, сказали друг другу...’

То же в поучении о дереве и его плодах, где рассматриваемое существительное, однако, обозначает естественный атрибут дерева, и потому возможен свободный выбор между определённой формой и посессивным оборотом:

Görer antingen trät godt, så varder *frukten* god; eller ock görer trät ondt, så varder *frukten* ond... (1703, 12:33)

I måsten döma så: antingen är trädet gott, och då måste *dess frukt* vara god; eller är trädet dåligt, och då måste *dess frukt* vara dålig. (1917, 12:33)

Antingen får ni säga att trädet är bra och *frukten* bra, eller att trädet är dåligt och *frukten* dålig... (2000, 12:33)

’Или признайте дерево хорошим и *плод его* хорошим; или признайте дерево худым и *плод его* худым’.

В шестнадцати случаях определённая форма присутствует только в первом переводе, без искажения смысла заменяясь притяжательной конструкцией в других:

Lärjungen är icke öfver *mästaren*; ... (1703, 10:24)

Lärjungen är icke förmer än *sin mästare*, ... (1917, 10:24)

Lärjungen är inte förmer än *sin lärare* ... (2000, 10:24)

’Ученик не выше *учителя*’.

Оборот с генитивом употребляется, таким образом, когда необходима несколько большая конкретизация объекта повествования.

Далее, иногда существительное уточняется указательным местоимением *den*, которое, в свою очередь, может чередоваться с

местоимением *samma* ’тот же’, также обладающим значением определённости:

Och Jesus hotade honom, och djefvulen gick ut af honom; och drängen vardt helbregda *i samma stund*. (1703, 17:18)

Och Jesus tilltalade honom strängt, och den onde anden for ut ur honom; och gossen var botad *från den stunden*. (1917, 17:18)

Jesus talade strängt till pojken, och demonen for ut ur honom, och *från den stunden* var han botad. (2000, 17:18)

’И запретил ему Иисус, и бес вышел из него; и отрок исцелился *в тот час*’.

Такое распределение не является, однако, закономерностью, и в следующем стихе, напротив, текст 1703 года имеет указательное местоимение, а два других – местоимение *samma*:

I den tiden gingo Lärjungarna till Jesum, och sade... (1703, 18:1)

I samma stund trädde lärjungarna fram till Jesus och frågade... (1917, 18:1)

Vid samma tillfälle kom lärjungarna fram till Jesus och frågade... (2000, 18:1)

’*В то время* ученики приступили к Иисусу и сказали...’

Имеется и ряд сугубо грамматических различий в способах выражения КОН между тремя переводами.

Для Библии Карла XII характерно употребление форм без суффигированного артикля, но с артиклем в препозиции, что обусловлено влиянием грамматики немецкого языка [Petersson, 2000. S. 165]. В последующих переводах соответствующие слова стоят в определённой форме. Прежде всего это касается названий народов:

Ser till, och förvarer eder för *de Phariseers och Sadduceers* surdeg. (1703, 16:6)

»Sen till, att I tagen eder till vara för *fariséernas och sadducéernas* surdeg.» (1917, 16:6)

»Akta er noga för *fariseernas och saddukeernas* surdeg.« (2000, 16:6)

’Иисус сказал им: смотрите, берегитесь *закваски фарисейской и саддукейской*’.

Тот же принцип сохраняется при наличии определения:

Utan går heldre till *de borttappade får* af Israels hus. (1703, 10:6)
utan gån hellre till *de förlorade fåren* av Israels hus. (1917, 10:6)
Gå i stället till *de förlorade fåren* i Israels folk. (2000, 10:6)
’а идите наипаче к *погибшим овцам* дома Израилева’.

В остальных переводах форма с одним лишь свободностоящим артиклем употребляется, согласно норме, при наличии ограничительного придаточного предложения [Svenska Akademiens grammatik, bd. 2, 1999. S. 105]:

Ty med *den dom*, som I dömen, skolen I dömde varda; och med *det mått*, som I mäten, skall eder mätet varda. (1703, 7:2)
ty med *den dom* varmed I dömen skolen I bliva dömda, och med *det mått* som I mäten med skall ock mätas åt eder. (1917, 7:2)
Ty med *den dom* som ni dömer med skall ni dömas, och med *det mått* som ni mäter med skall det mätas upp åt er. (2000, 7:2)
’ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить’ (досл. ’*тем судом*, каким судите’, ’*тою мерою*, какою мерите’).

Впрочем, встречаются и случаи, когда артикли в тексте 1703 года употребляются согласно современной норме: к примеру, в стихе 12:43 присутствует словосочетание *den orene anden* ’нечистый дух’, а в стихе 28:16 – *de ellofva Lärjungarna* ’одиннадцать учеников’.

Есть, однако, устойчивое словосочетание, традиционное написание которого сохранено и во втором переводе:

...hvilken som säger något emot *den Helga Anda*, det varder honom icke förlåtet... (1703, 12:32)
...om någon säger något mot *den helige Ande*, så skall det icke bliva honom förlåtet... (1917, 12:32)
...den som säger något mot *den heliga anden* får inte förlåtelse... (2000, 12:32)
’если же кто скажет на *Духа Святаго*, не простится ему...’

Кроме того, в ранней версии встречается большое количество указательных местоимений перед существительными в определённой форме, как в стихе 8:31:

Är det så, att du drifver oss ut, så lofva oss, att vi farom uti *den svinahjorden*. (1703, 8:31)

»Om du vill driva ut oss så låt oss fara in i *svinhjorden*.» (1917, 8:31)

»Om du driver ut oss, skicka då över oss till *svinhjorden*.« (2000, 8:31)

’если выгонишь нас, то пошли нас в *стадо свиней*’.

Возможно, такое употребление также связано с подражанием грамматике немецкого языка, имеющего только препозитивный определённый артикль.

Есть, впрочем, и обратная картина, когда наличие указательного местоимения желательно в данном контексте, и оно появляется в двух поздних переводах, однако в раннем не используется:

Åter nekade han, och svor: Jag känner icke *mannen*. (1703, 26:72)

Åter nekade han med en ed och sade: »Jag känner icke *den mannen*.» (1917, 26:72)

Han förnekade det på nytt och svor på det: »Jag känner inte *den mannen*.« (2000, 26:72)

’И он опять отрекся с клятвою, что не знает *Сего Человека*’.

Ещё одна особенность Библии Карла XII (и, соответственно, Библии 1541 года) – употребление определённой формы существительного после указательного местоимения *denna*, что с точки зрения современной нормативной грамматики является неверным [Svenska Akademiens grammatik, bd. 3, 1999. S. 18]. В остальных переводах такое встречается лишь однажды, в устойчивом словосочетании:

...det varder honom icke förlåtet, hvarken i denna, eller i *den tillkommande verld*. (1703, 12:32)

...så skall det icke bliva honom förlåtet, varken i *denna tidsåldern* eller i den tillkommande. (1917, 12:32)

...får inte förlåtelse, varken i *denna världen* eller i den kommande. (2000, 12:32)

’не простится ему ни в *сем веке*, ни в будущем’.

Любопытно, что текст 1703 года имеет неопределённую форму данного существительного, поскольку ему прямо предшествует причастие и свободностоящий артикль, а следовательно, соблюдена оговоренная выше соответствующая тактика перевода.

В остальном в двух более поздних переводах наблюдаются разнообразные варианты передачи соответственной именной группы, возможные с точки зрения современной грамматики. Например, в тексте может быть использовано то же указательное местоимение *denna*, но уже с «нормальной» неопределённой формой существительного:

Och det begaf sig, när Jesus lyktade *detta talet*, vardt folket förskräckt öfver hans lärdom. (1703, 7:28)

När Jesus hade slutat *detta tal*, häpnade folket över hans förkunnelse; (1917, 7:28)

När Jesus hade avslutat *detta tal* var folket överväldigat av hans undervisning, (2000, 7:28)

’И когда Иисус окончил *слова сии*, народ дивился учению Его’.

В Библии 2000 встречается несколько менее формальное указательное местоимение *den här*, требующее после себя определённой формы существительного:

Hvilken nu sig sjelf så förnedrar, som *detta barnet*, han är den störste i himmelriket; (1703, 18:4)

Den som nu så ödmjukar sig, att han bliver såsom *detta barn*, han är den störste i himmelriket. (1917, 18:4)

De som gör sig själva små som *det här barnet* är störst i himmelriket. (2000, 18:4)

’итак, кто умалится, как *это дитя*, тот и больше в Царстве Небесном’.

Часто употребляется только определённая форма без указательного местоимения:

Så hörer nu I *denna liknelsen* om sädesmannen. (1703, 13:18)

Hören alltså I vad som menas med *liknelsen* om såningsmannen. (1917, 13:18)

Så hör då vad som menas med *liknelsen* om mannen som sådde. (2000, 13:18)

’Вы же выслушайте значение *притчи* о сеятеле’.

Далее, некоторые словосочетания, частотные в первом переводе, в последующих текстах слились в сложные слова, что соотносится с общей тенденцией шведского и скандинавских языков в целом к образованию композитов [Краснова, 2015. С. 85]. Так, видоизменилось одно из ключевых слов Евангелия:

Menniskones Son är den som den goda sädena sår. (1703, 13:37)

»Den som sår den goda säden är *Människosonen*. (1917, 13:37)

»Den som sår den goda säden är *Människosonen*, (2000, 13:37)

’Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть *Сын Человеческий*’.

Подобному преобразованию подверглось и словосочетание *öfverste Presterna* ’первосвященники’(1703, 27:1), ставшее впоследствии словом *översteprästerna*.

Итак, в шведских переводах Библии чередуются два основных способа выражения определённости – определённая форма и посессивная конструкция. При этом первому из рассматриваемых текстов свойственны обороты с генитивом, вероятно, потому, что они сильнее конкретизируют определяемый объект, чем форма с артиклем. Второй перевод находится с этой точки зрения в промежуточном положении: выбор показателя категории в нём в одних случаях совпадает с предыдущей версией Писания, в других – с последующей. Постепенный переход к преимущественному употреблению определённой формы может быть объяснён её большей компактностью и разговорностью.

Особенностью текста 1703 года является сохранение современных Библии Густава Васы норм грамматики, касающихся использования суффигированного определённого артикля у существительных, которым предшествует то или иное указательное местоимение, и, напротив, употребления только препозитивного определённого артикля под влиянием немецкого языка.

3.3.2 Неопределённость

Неопределённый артикль может чередоваться только с неопределённым местоимением, как происходит в следующем случае, где во втором переводе появляется местоимение *någon* ’какой-нибудь’:

Hvilken är nu *en trogen och snäll tjenare*, som herren hafver satt öfver sitt husfolk, att han skall gifva dem mat i rättom tid? (1703, 24:45)

Finnes nu *någon trogen och förståndig tjänare*, som av sin herre har blivit satt över hans husfolk för att giva dem mat i rätt tid (1917, 24:45)

Tänk er *en trogen och klok tjänare* som av sin herre satts att ha uppsikt över tjänstefolket och ge dem mat i rätt tid. (2000, 24:45)

’Кто же *верный и благоразумный раб*, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время?’

Кроме того, различием между переводами является сохранение в более раннем тексте форм склонения даже у свободностоящего неопределённого артикля:

Och hvilken som gifver enom af dessa minsta en bägare kallt vatten dricka allenast, i *en<u>s</u> Lärjunga<u>s</u> namn*, sannerliga säger jag eder, det skall icke blifva honom olönt. (1703, 10:42)

Och den som giver en av dessa små allenast en bägare friskt vatten att dricka, därför att det är *en lärjunge* – sannerligen säger jag eder: Han skall ingalunda gå miste om sin lön.» (1917, 10:42)

Och den som ger bara så mycket som en bägare friskt vatten åt en av dessa små därför att det är *en lärjunge* – sannerligen, han skall inte gå miste om sin lön.« (2000, 10:42)

’И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, *во имя ученика*, истинно говорю вам, не потеряет награды своей’.

Здесь же можно привести и крылатую фразу *en<u>s</u> ropande<u>s</u> röst* ’глас вопиющего в пустыне’(1703, 3:3).

Есть четыре случая, когда предложение из текста 1917 года содержит так называемую сложную неопределённую именную группу, состоящую из

посессивной конструкции и неопределённого артикля, в то время как в двух других переводах представлен обычный оборот с генитивом:

När han detta tänkte, si, då uppenbarades honom i sömnen *Herrans Ängel* (1703, 1:20)

Men när han hade fått detta i sinnet, se, då visade sig i drömmen *en Herrens ängel* för honom... (1917, 1:20)

Men när han hade beslutat sig för det uppenbarade sig *Herrens ängel* för honom i en dröm ... (2000, 1:20)

’Но когда он помыслил это, — се, *Ангел Господень* явился ему во сне’.

Существительное в родительном падеже, входящее в состав сложной НИГ, не выделяет конкретный предмет, а выступает в роли обычного определения [Svenska Akademiens grammatik, bd. 3, 1999. S. 59].

Итак, используемые в анализируемых переводах способы выражения неопределённости не характеризуются разнообразием и в основном сводятся к различиям в падежном склонении и использованию именных групп разного типа.

3.4 Чередование с безартиклевой формой

Несовпадения такого рода следует вынести в отдельную группу, поскольку форма без артикля не всегда означает определённость или неопределённость. Употреблённая без каких-либо показателей, она выражает скорее общее значение, находящееся вне рассматриваемой категории.

3.4.1 Определённая форма

Чередование безартиклевая форма – безартиклевая форма – определённая форма встречается 10 раз.

В стихе 21:32, где ’мытари и блудницы’ упоминаются, что важно, повторно, не должно быть неопределённой формы множественного числа, однако именно она используется в первых двух переводах:

Johannes kom till eder, och lärde eder rätta vägen, och I trodden honom intet; men *Publicaner och skökor* trodde honom; ... (1703, 21:32)
Ty Johannes kom och lärde eder rättfärdighetens väg, och I trodden honom icke, men *publikaner och skökor* trodde honom. (1917, 21:32)
Johannes kom, och han visade er vägen till rättfärdighet, men ni trodde inte på honom. *Tullindrivarna och hororna* trodde på honom... (2000, 21:32)
’ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а *мытари и блудницы* поверили ему’.
Вероятно, создатели более ранних текстов не соотнесли данные существительные с предшествующим повествованием, а восприняли их как обозначения неконкретных групп людей.

В другом примере первые два перевода содержат своего рода устойчивое словосочетание, и отсутствие артикля в нём закономерно. В Библии 2000 изменяется сам синтаксис предложения, и рассматриваемое существительное выполняет функцию дополнения со значением неотъемлемой части:
... men äta *med otvagna händer*, besmittar icke menniskona. (1703, 15:20)
... men att äta *med otvagna händer*, det orenar icke människan.» (1917, 15:20)
Men att äta utan att ha tvättat *händerna*, det gör inte människan oren. (2000, 15:20)
досл. ’не вымыв руки’
’а есть *неумытыми руками* – не оскверняет человека’.

Гораздо чаще, в 30 случаях, неопределённая форма присутствует только в первом тексте, причём нередко её использование противоречит современным даже на тот момент правилам грамматики, как, например, при назывании уникального объекта в начале известной молитвы:
Fader vår, som äst i *himlom*, helgadt varde ditt Namn. (1703, 6:9)
'Fader vår, som är i *himmelen*! Helgat varde ditt namn; (1917, 6:9)
Vår fader, du som är i *himlen*. Låt ditt namn bli helgat. (2000, 6:9)
’Отче наш, сущий на *небесах*! да святится имя Твое’.

Употребление безартиклевой формы в следующем стихе также не вполне оправданно, поскольку речь идёт о всех людях в целом:

Men den som mig vedersakar för *menniskom*, honom skall jag ock vedersaka för min Fader, som är i himmelen. (1703, 10:33)

Men den som förnekar mig inför *människorna*, honom skall ock jag förneka inför min Fader, som är i himmelen. (1917, 10:33)

Men den som förnekar mig inför *människorna*, honom skall jag förneka inför min fader i himlen. (2000, 10:33)

’а кто отречется от Меня пред *людьми*, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным’.

Примечательно, что в этой фразе в Библии Карла XII появляется определённая форма существительного ’небеса’ – *himmelen*. Вероятно, шведский вариант упомянутой выше молитвы появился ещё в эпоху классического древнешведского, когда словам класса Unica не сопутствовал определённый артикль, и создатели первого перевода предпочли сохранить молитву в традиционном виде, в то время как остальное повествование переводилось согласно уже изменившимся нормам грамматики.

Также на древнешведском этапе нормой считалось безартиклевое употребление некоторых других слов со значением единичности, в число которых входит существительное *helvete* ’ад’ [Wessén, 1965. S. 37-38]. Возможно, в Библии Густава Васы такая форма была использована для архаизации, а в тексте 1703 года соблюдена традиция написания данного понятия, одного из ключевых:

...rädens mer honom, som kan förderfva både själ och kropp i *helvete*. (1703, 10:28)

...frukten fastmer honom som har makt att förgöra både själ och kropp i *Gehenna*. (1917, 10:28)

Frukta i stället honom som kan förgöra både själ och kropp i *helvetet*. (2000, 10:28).

’бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в *геенне*’.

Перевод 1917 года содержит при этом имя собственное, несущее в себе семантику определённости. Любопытно, что лексема *himmelriket* ’Царствие Небесное’, относящееся к тому же ряду слов, имеет суффигированный определённый артикль во всех рассматриваемых текстах, в том числе в раннем.

Насчитано 12 случаев, когда неопределённая форма встречается только в последнем из рассматриваемых переводов.

К примеру, при перечислении важных понятий закона существительные, выражающие их, не имеют артикля, будучи наименованиями абстрактных явлений:

...det som svårast är i lagen, nämliga *domen, barmhertigheten och tron*;... (1704, 23:23)

...det som är viktigast i lagen, nämligen *rätten och barmhärtigheten och troheten*! (1917, 23:23)

...det viktigaste i lagen: *rättvisa, barmhärtighet, trohet*. (2000, 23:23)

’...важнейшее в законе: *суд, милость и веру*’.

В другом стихе лишается определённого артикля термин родства:

Säger till *dottrena* Zion: Si, din Konung kommer till dig, ... (1703, 21:5)

»Sägen till *dottern* Sion: 'Se, din konung kommer till dig, ...'» (1917, 21:5)

Säg till *dotter* Sion: Se, din konung kommer till dig, ... (2000, 21:5)

’Скажите *дщери* Сионовой: се, Царь твой грядет к тебе’.

16 стихов демонстрируют замену определённой формы в Библии Карла XII на форму без показателей в последующих переводах.

В стихе 11 четвёртой главы форма множественного числа несёт в себе скорее значение неопределённости, нежели абстрактности:

Då öfvergaf djefvulen honom; och si, *Änglarna* gingo fram, och tjente honom. (1703, 4:11)

Då lämnade djävulen honom; och se, *änglar* trädde fram och betjänade honom. (1917, 4:11)

Då lät djävulen honom vara, och *änglar* kom fram och betjänade honom. (2000, 4:11)

’Тогда оставляет Его диавол, и се, *Ангелы* приступили и служили Ему’.

Напротив, когда Иисус говорит о мече, с которым он пришёл на землю, он подразумевает, конечно, вовсе не конкретный меч, а само понятие, в большой степени метафоричное:

...jag är icke kommen till att sända frid, utan *svärdet*. (1703, 10:34)

Jag har icke kommit för att sända frid, utan *svärd*. (1917, 10:34)

Jag har inte kommit med fred utan med *svärd*. (2000, 10:34)

’не мир пришел Я принести, но *меч*’.

Наличие определённой форме в раннем переводе продиктовано, очевидно, влиянием немецкого образца, поскольку в нём существительное *das Schwert* как раз имеет определённый артикль.

Всего четыре лексемы употреблены без артикля во втором переводе, имея при этом суффигированный определённый артикль в Библии Карла XII и в Библии 2000, и речь идёт об абстрактных понятиях:

Salige äro de som hungra och törsta efter *rättfärdighetena*; ty de skola blifva mättade. (1703, 5:6)

Saliga äro de som hungra och törsta efter *rättfärdighet*, ty de skola bliva mättade. (1917, 5:6)

Saliga de som hungrar och törstar efter *rättfärdigheten*, de skall bli mättade. (2000, 5:6)

’Блаженны алчущие и жаждущие *правды*, ибо они насытятся’.

Определённая форма привносит некий оттенок уникальности явления.

Таким образом, в Библии Карла XII присутствует ряд устойчивых выражений, сохраняющих неопределённую форму согласно традиции. Кроме того, в данном тексте немало случаев употребления определённого артикля при существительных, имеющих абстрактное или неопределённое значение, что вызвано влиянием перевода Лютера. Библия 1917 в этом отношении

ближе к тексту 2000 года, поскольку при её создании большее внимание уделялось семантике оригинала.

3.4.2 Посессивная конструкция

Чередований безартиклевой формы и притяжательной конструкции между анализируемыми текстами в целом не слишком много, и среди них нет ни одного случая, когда оборот с генитивом присутствовал бы только в переводе 1917 года или только в Библии 2000.

Всего семь слов стоят в раннем тексте в «голой» форме там, где остальные переводы имеют притяжательное определение. В их число входит, например, превращение композита в словосочетание:

...för hvart och ett fåfängt ord, som menniskorna tala, skola de göra räkenskap på *domedag*. (1703, 12:36)

...för vart fåfängligt ord som människorna tala skola de göra räkenskap på *domens dag*. (1917, 12:36)

...varje onyttigt ord som människorna yttrar skall de få svara för på *domens dag*. (2000, 12:36)

’за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в *день суда*’.

Несмотря на то, что термины родства могут употребляться без артикля, часто они имеют определение, выраженное притяжательным местоимением. Понятие тем самым несколько конкретизируется:

Ty Gud hafver budit, och sagt: Du skall ära *fader* och *moder*; och hvilken som bannar *fader* eller *moder*, han skall döden dö. (1703, 15:4)

Gud har ju sagt: 'Hedra *din fader* och *din moder*' och: 'Den som smädar *sin fader* eller *sin moder*, han skall döden dö.' (1917, 15:4)

Gud har sagt: Visa aktning för *din far* och *din mor* och: Den som smädar *sin far* eller *sin mor* skall dö. (2000, 15:4)

’Ибо Бог заповедал: почитай *отца* и *мать*; и: злословящий отца или мать смертью да умрет’.

Обнаружен всего один случай, когда только последний из переводов имеет безартиклевую форму на месте словосочетания с притяжательным местоимением в других текстах:

Derföre säger jag eder, att Guds rike skall tagas från eder, och varda gifvet Hedningomen, som göra *dess frukt*. (1703, 21:43)

Därför säger jag eder att Guds rike skall tagas ifrån eder, och givas åt ett folk som bär *dess frukt*.» (1917, 21:43)

Därför säger jag er att Guds rike skall tas ifrån er och ges åt ett folk hos vilket det kan bära *frukt*. (2000, 21:43)

'Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему *плоды его*'.

Вновь несовпадение возникло вследствие изменения структуры фразы: в последнем переводе в роли агенса выступают уже не люди, а само Божие Царство, и слово *frukt* 'плоды' становится частью глагольного словосочетания.

Напротив, наличие притяжательной конструкции только в первом тексте зафиксировано в восьми стихах.

Так, в следующем примере такая замена не оказывает значительного влияния на смысл сказанного:

I skolen icke församla *eder ägodelar* på jordene... (1703, 6:19) досл. 'свои сокровища'

Samlen eder icke *skatter* på jorden... (1917, 6:19)

Samla inte *skatter* här på jorden... (2000, 6:19)

'Не собирайте себе *сокровищ* на земле...'

Далее, обозначение части тела, присутствующее в раннем переводе в составе посессивного оборота, в других входит в устойчивое словосочетание, в связи с чем не нуждается в артикле или притяжательном местоимении:

...steg en man fram, böjde för honom *sin knä*; (1703, 17:14)

...trädde en man fram till honom och föll på *knä* för honom (1917, 17:14)

...kom en man fram och föll på *knä* för honom (2000, 17:14)

’подошел к Нему человек и, преклоняя пред Ним *колени*...’

Иногда словосочетание сливается в сложное слово:

Följer mig; jag vill göra eder till *menniskors fiskare*. (1703, 4:19)

»Följen mig så skall jag göra eder till *människofiskare*.» (1917, 4:19)

»Kom och följ mig. Jag skall göra er till *människofiskare*«, (2000, 4:19)

’идите за Мною, и Я сделаю вас *ловцами человеков*’.

Замечено лишь одно употребление слова в неопределённой форме в тексте 1917 года, при котором другие переводы имеют посессивную конструкцию с этим существительным. Различие обусловлено несходством синтаксиса и представляется оправданным:

Och menniskones eget husfolk varda *hennes fiender*. (1703, 10:36)

och envar får sitt eget husfolk till *fiender*'. (1917, 10:36)

och mannens husfolk skall bli *hans fiender*. (2000, 10:36)

’И *враги* человеку – домашние его’.

Итак, выбор формы без артикля или посессивного определения зависит в большей степени от структуры слова или словосочетания. Во всех случаях употребление того или иного маркёра категории не противоречит семантике высказывания. Примечательно, что перевод 1917 года в этом плане ближе к последнему из рассматриваемых текстов: оба они схожи в образовании композитов на месте словосочетания и, напротив, в преобразовании сложного слова в оборот с генитивом.

3.4.3 Неопределённый артикль

Поскольку сама форма с неопределённым артиклем встречается в текстах Евангелия от Матфея реже остальных, её чередований с безартиклевой формой также немного.

В четырёх стихах неопределённый артикль появляется только в Библии 2000, при этом сохраняется семантика абстрактности:

Eller, om han bedes *fisk*, månn han då räcka honom en orm? (1703, 7:10)

eller som räcker honom en orm, när han beder om *fisk*? (1917, 7:10)

eller ger honom en orm när han ber om *en fisk*? (2000, 7:10)
’и когда попросит *рыбы*, подал бы ему змею?’

Трижды встречается употребление неопределённого артикля в обоих более поздних переводах и, соответственно, безартиклевой формы в Библии Карла XII, например:

Icke tänder man heller *ljus*, och sätter det under ena skäppo, ... (1703, 5:15)
Ej heller tänder man *ett ljus* och sätter det under skäppan, ... (1917, 5:15)
och när man tänder *en lampa* sätter man den inte under sädesmåttet ... (2000, 5:15)
’И, зажегши *свечу*, не ставят ее под сосудом’.

Конечно, речь идёт не о свете как абстрактном понятии, а о предмете, являющемся источником света, поэтому неопределённый артикль необходим.

В пяти случаях наблюдается такое распределение средств выражения КОН, при котором первые два перевода содержат существительное с неопределённым артиклем, а последний – форму без показателей. Здесь, напротив, существительное выступает в более общем значении:

I höjdene vardt hörd *en röst*, stor klagomål, gråt och mycken skrän... (1703, 2:18)
»*Ett rop* hördes i Rama, gråt och mycken jämmer;...» (1917, 2:18)
Rop hörs i Rama, gråt och högljudd klagan... (2000, 2:18)
’*глас* в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий’.

В четырёх фразах в раннем тексте употреблён неопределённый артикль там, где его, согласно правилам, не должно быть, а именно при упоминании слов с явным абстрактным значением:

De *hafva* ju *ena försyn* för min son. (1703, 21:37)
'De skola väl *hava försyn* för min son.' (1917, 21:37)
’Min son kommer de *att ha respekt* för.’ (2000, 21:37)
’*постыдятся* сына моего (досл. проявят уважение)’.

Напротив, вполне корректно опущение артикля во втором переводе в стихе 5:31:

Hvilken som öfvergifver sina hustru, han skall gifva henne *ett skiljobref*. (1703, 5:31)

'Den som vill skilja sig från sin hustru han skall giva henne *skiljebrev*.' (1917, 5:31)
Den som vill skilja sig från sin hustru skall ge henne *ett skilsmässobrev*. (2000, 5:31)
’Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей *разводную*’.
Словосочетание *giva skiljebrev* ’дать разводную’ можно трактовать как глагольный оборот, существительное в котором в норме не имеет артикля.

При выборе нулевого или неопределённого артикля текст Библии 1917 года вновь находится в промежуточном положении между двумя другими переводами, в девяти случаях имея такую же форму, какая употреблена в тексте 1703 года, и в семи примерах – как в Библии 2000. Сам выбор показателя диктуется оттенком значения, и в раннем переводе нередко неверен.

3.5 Различие в степени определённости

В ряде случаев не совпадает сама степень определённости соответствующих слов в разных переводах, то есть на месте определённой формы в одном тексте в другом появляется неопределённая форма.

Так происходит, к примеру, в стихе 9:15, где в первых двух переводах существительное *dagar* ’дни’ / *tid* ’время’ имеет свободностоящий определённый артикль, в то время как в третьем тексте данное слово употреблено с неопределённым артиклем:
Men *de dagar* skola komma, att brudgummen skall tagas ifrå dem, och då skola de fasta. (1703, 9:15)
Men *den tid* skall komma, då brudgummen tages ifrån dem, och då skola de fasta. (1917, 9:15)
Men det skall komma *en tid* då brudgummen tas ifrån dem, och då kommer de att fasta. (2000, 9:15)
’Но придут *дни*, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься’.

Как отмечают исследователи, в оригинальном тексте в данной фразе нет определённости как таковой, и переводчикам советуется лишь выбрать идиоматичное выражение своего языка [Ньюман, Стайн, 1998. С. 257]. Примечательно, однако, что в переводе Лютера использована форма с определённым артиклем, и в шведских текстах артикль, или, точнее, указательное местоимение, появляется именно в препозиции, вероятно, под влиянием немецкого образца.

В следующем изречении имеется в виду всякий, любой город, расположенный на возвышенности и вследствие этого заметный:

...icke kan *den staden* döljas, som ligger på ett berg. (1703, 5:14)

Icke kan *en stad* döljas, som ligger uppe på ett berg? (1917, 5:14)

En stad uppe på ett berg kan inte döljas, (2000, 5:14)

’Не может укрыться *город*, стоящий на верху горы’.

Вполне вероятно, что шведские переводчики сочли придаточное предложение ограничивающим определением, при котором существительное должно иметь определённую форму, но необходимо отметить, что и в немецкой Библии употреблён определённый артикль – *die Stadt*.

Подобная ситуация складывается и в другом сюжете, когда хозяин поля объясняет своим слугам, откуда среди всходов пшеницы взялись плевела:

Då sade han till dem: Det hafver *ovännen* gjort. (1703, 13:28)

Han svarade dem: '*En ovän* har gjort detta.' (1917, 13:28)

Han svarade: ’Det är *en fiende* som har varit framme.’ (2000, 13:28)

’Он же сказал им: *враг* человека сделал это’.

В оригинальном тексте обнаруживается чёткая неопределённость, и речь идёт о каком-то из врагов сеятеля или о неизвестном враге вообще [Там же. С. 398]. Тем не менее, в переводе Лютера вновь возникает определённая форма – *der Feind*, и шведские переводчики лишь заменили свободностоящий артикль суффигированным.

Напротив, в следующей фразе присутствует повторно заходит речь о доме, упомянутом в стихе 11 [Там же. С. 283]:

Men när I gån in i *ett hus*, så helser det. (1703, 10:12)

Och när I kommen in i *ett hus*, så hälsen det. (1917, 10:12)

Stig in i *huset* med en fridshälsning, (2000, 10:12)

’а входя в *дом*, приветствуйте его’.

Вероятно, авторы первых двух переводов не обнаружили логической связи между двумя стихами, восприняв (вслед за Лютером) это как повествование о любом, некоем доме.

В пророчестве о рождении Иисуса только текст Библии Карла XII имеет форму с неопределённым артиклем:

Si, *en Jungfru* skall varda hafvandes, och föda en Son, ... (1703, 1:23)

»Se, *jungfrun* skall bliva havande och föda en son, ... (1917, 1:23)

Jungfrun skall bli havande och föda en son, ... (2000, 1:23)

’се, *Дева* во чреве приимет и родит Сына’.

В греческом оригинале используется определённый артикль – ἡ παρθένος [Smyth, 1920. P. 286], однако в Библии Лютера данное слово имеет неопределённый артикль – *eine Jungfrau*.

Иногда некое понятие имеет и различную степень определённости во всех трёх переводах, и разные показатели данной категории, как в следующем примере, где в тексте 1703 года присутствует форма с неопределённым артиклем, в переводе 1917 года – безартиклевая форма, а в Библии 2000 – посессивная конструкция:

Si, min tjenare, den jag utvalt hafver; min käreste, i hvilkom min själ *hafver ett godt behag*; ... (1703, 12:18)

»Se, över min tjänare, som jag har utvalt, min älskade, i vilken min själ har funnit *behag*, ... (1917, 12:18)

Detta är min tjänare som jag har utvalt, den som jag älskar och som min själ har *sin glädje* i. (2000, 12:18)

’Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя’.

В другом случае распределение несколько иное: первый перевод вновь имеет форму с неопределённым артиклем, второй – определённую форму и, наконец, третий – форму без артикля:

Derföre, hvar och en som hörer dessa min ord, och gör derefter, honom liknar jag vid en vis man, som sitt hus byggde på *ett hälleberg*. (1703, 7:24)

Därför, var och en som hör dessa mina ord och gör efter dem, han må liknas vid en förståndig man som byggde sitt hus på *hälleberget*. (1917, 7:24)

Den som hör dessa mina ord och handlar efter dem är som en klok man som byggde sitt hus på *berggrund*. (2000, 7:24)

’Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на *камне*’.

Встречается и чередование определённый суффигированный артикль – безартиклевая форма – неопределённый артикль:

Af barnas och spenabarnas mun hafver du fullkomnat *lofvet* (1703, 21:16)

'Av barns och spenabarns mun har du berett dig *lov*' (1917, 21:16)

Barns och spädbarns rop har du gjort till *en lovsång* åt dig (2000, 21:16)

’из уст младенцев и грудных детей Ты устроил *хвалу*?’

Исходя из описанных различий, можно сказать, что большая их часть вызвана значительным влиянием немецкой версии Библии на первый из рассматриваемых текстов. Несмотря на то, что следующий шведский перевод во многом основан на материале более раннего, при его создании в значительной мере учтён греческий оригинал, и далеко не все особенности Библии Карла XII повторены в тексте 1917 года. Наконец, Библия 2000 характеризуется точной передачей исходного смысла, а не следованием шведской традиции.

3.6 Различия в лексическом выражении

Случается, что в одном или двух переводах некое понятие передается не именной группой, а другими способами.

Так, в стихе 2:10 тексты Евангелия 1917 и 2000 годов содержат предложный оборот и, соответственно, существительное:

Och när de sågo stjärnan, *uppfylldes de* av mycket stor *glädje*. (1917, 2:10)

När de såg stjärnan *fylldes de* av stor *glädje*. (2000, 2:10)

’Увидев же звезду, они возрадовались *радостью* весьма великою’ (досл. ’наполнились радостью’)

… а в раннем переводе присутствует составное именное сказуемое, а следовательно, необходимое значение передаётся прилагательным:

När de sågo stjernona, *vordo* de ganska *glade*; (1703, 2:10) досл. ’стали радостными’.

От существительного, играющего роль обстоятельства, может быть образовано прилагательное, которое, в свою очередь, занимает позицию определения:

På det I skolen vara edar Faders barn, som är *i himmelen*; ... (1703, 5:45) досл. ’который есть *на небесах*’

och varen så eder *himmelske* Faders barn; ... (1917, 5:45)

då blir ni er *himmelske* faders söner. (2000, 5:45)

’да будете сынами Отца вашего *Небесного*’.

В первом стихе главы 22 последний из рассматриваемых переводов имеет сочетание наречия и существительного, передающее то же значение повторяемости действия, что и простое наречие в предыдущих текстах:

Och svarade Jesus, och talade dem *åter* till genom liknelser (1703, 22:1)

Och Jesus begynte *åter* tala till dem i liknelser (1917, 22:1)

Än en gång talade Jesus till dem i liknelser (2000, 22:1) досл. ’ещё один раз’

’Иисус, продолжая говорить им притчами...’

В стихе 8:14 в новом переводе на месте посессивной конструкции, имеющейся в текстах 1703 и 1917 годов, появляется обстоятельство, выраженное наречием с предложным оборотом:

Och när Jesus kom i *Petri hus*, och såg att hans svära låg, och hade skälfvosot; (1703, 8:14)

När Jesus sedan kom in i *Petrus' hus*, fick han se hans svärmoder ligga sjuk i feber. (1917, 8:14)
Jesus kom *hem till Petrus* och fick se hans svärmor ligga sjuk i feber. (2000, 8:14)
’Придя в *дом Петров*, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке’.

В одном из поучений Иисуса, где в первых двух переводах употреблён глагол, текст 2000 года имеет устойчивое выражение с тем же значением, состоящее из глагола и существительного:
Herran din Gud skall du icke *fresta*. (1703, 4:7)
'Du skall icke *fresta* Herren, din Gud.'» (1917, 4:7)
Du skall inte *sätta* Herren, din Gud, *på prov*. (2000, 4:7) досл. ’подвергать испытанию’
’не искушай Господа Бога твоего’.

В другом предложении, напротив, словосочетание сменяется глаголом с возвратной частицей:
Görer bättring; himmelriket är kommet hardt när. (1703, 3:2)
»*Gören bättring*, ty himmelriket är nära.» (1917, 3:2)
»*Omvänd er*. Himmelriket är nära.« (2000, 3:2)
’покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное’.

В стихе 7:7 существительное в Библии 2000 появляется на месте глагола в форме страдательного залога:
...klapper, och *eder skall upplåtas*. (1703, 7:7)
...klappen, och *för eder skall varda upplåtet*. (1917, 7:7)
Bulta, så skall *dörren* öppnas. (2000, 7:7) досл. ’дверь отворится’
’стучите, и отворят вам’.

Нередко вместо одного слова вводится целое придаточное предложение.

Так, при перечислении предков Иисуса редко упоминаются матери их детей, а если это необходимо, используются простые дополнения с предлогом:
Juda födde Pharez och Zara, *af Thamar*; ... (1703, 1:3)

Judas födde Fares och Sara *med Tamar*, ... (1917, 1:3)

’Иуда родил Фареса и Зару *от Фамари*’.

Уточняющее существительное же в данном случае возможно лишь в составе относительной именной группы:

Juda till Peres och Serach, *vilkas mor var Tamar*, ... (2000, 1:3) досл. ’чьей матерью была Фамарь’.

Далее, два анализируемых текста имеют в стихе 19:24 простое подлежащее, выраженное субстантиватом:

Det är lättare, att en camel går genom ett nålsöga, än att *en rik* kommer i Guds rike. (1703, 19:24)

det är lättare för en kamel att komma igenom ett nålsöga än för *en rik* att komma in i Guds rike.« (2000, 19:24)

’и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели *богатому* войти в Царство Божие’.

В переводе 1917 года на этом месте употреблена эмфатическая конструкция:

Det är lättare för en kamel att komma in genom ett nålsöga, än för *den som är rik* att komma in i Guds rike.» (1917, 19:24) досл. ’тому, кто богат’.

В следующем примере существительному во втором тексте соответствуют придаточные предложения в первом и третьем:

Men *när jag är uppstånden* igen, vill jag gå fram för eder i Galileen. (1703, 26:32) досл. ’когда я буду воскресшим’

Men efter *min uppståndelse* skall jag före eder gå till Galileen.» (1917, 26:32)

Men *när jag har uppstått* skall jag gå före er till Galileen.« (2000, 26:32) досл. ’когда я воскресну’

’по воскресении же Моем предварю вас в Галилее’.

Случается и так, что имеющееся в одном переводе слово в других просто отсутствует:

I hafven hört, att det var sagdt *dem gamlom*: Du skall icke göra hor. (1703, 5:27)

I haven hört att det är sagt: 'Du skall icke begå äktenskapsbrott.' (1917, 5:27)

Ni har hört att det blev sagt: Du skall inte begå äktenskapsbrott. (2000, 5:27)

’Вы слышали, что сказано *древним*: не прелюбодействуй’.

Итак, в некоторых случаях возможны разные лексические способы выражения одного и того же понятия, что в полной мере проиллюстрировано материалом изучаемых текстов.

3.7 Выводы по главе 3

Большинство слов на одинаковых позициях в рассматриваемых переводах совпадает по степени определённости и способу её выражения. Самое частое сходство заключается в употреблении определённой формы при повторном назывании объекта, то есть когда известность задана контекстом. Это основной принцип использования определённой формы в шведском языке в целом. Кроме того, форма с определённым суффигированным артиклем типична при обозначении целого класса предметов. Также в языке существует ряд наименований уникальных явлений, при которых необходимо использование определённого артикля. Наконец, с помощью определённой формы может быть выражена имплицитная определённость, однако такой способ нечастотен в анализируемых текстах.

Встречающиеся в переводах формы с нулевым артиклем характеризуются общим значением, в том числе в случаях, когда они входят в состав относительно устойчивых глагольных словосочетаний. Кроме того, не имеют артикля неисчисляемые существительные и формы множественного числа. В безартиклевой форме употребляются и обращения, а также слово *Бог*. Термина родства в «голой» форме встречаются редко.

Часто употребляющиеся в Библии обороты с определением, выраженным существительным или притяжательным местоимением, передают значения разного рода связи между объектом и его обладателем: отношения с окружающими, владение предметом или качеством и т.д. Чаще всего в качестве атрибута в изучаемых переводах выступает местоимение. Кроме того, существительные могут сопровождаться другими

определениями, не связанными с посессивностью, и употребляются в таком случае в безартиклевой форме.

Неопределённый артикль используется в основном при первом упоминании предмета, а также при передаче генерализованного значения.

Несовпадения в способах выражения одинаковой степени определённости в разных переводах в целом не противоречат современной им норме.

Чаще всего это чередование показателей определённости – формы с определённым артиклем и посессивной конструкции. Последняя в особенности характерна для раннего перевода, в то время как Библии 2000 свойственно употребление форм с определённым суффигированным артиклем. Вероятной причиной такого изменения стали преобразования в стилистике языка. Второй текст занимает промежуточную позицию.

При выражении неопределённости возможна замена артикля на неопределённое местоимение, однако в большей степени несходства заключаются в различии форм грамматических показателей.

При чередовании безартиклевой и определённой форм наблюдается ряд архаичных черт в первом переводе и некоторое влияние на него языка немецкой Библии. Шведская версия Писания 1917 года в данном случае не следует образцу предыдущего текста и более близка Библии 2000. При замене нулевого артикля посессивным определением смысл текста не искажается. Напротив, выбор неопределённого артикля вместо нулевого не всегда возможен, и нередко в Библии Карла XII встречается неверный с семантической точки зрения вариант.

Несходства в степени определённости некоторых слов в разных переводах вызваны, во-первых, расхождениями в выборе лексических средств, вследствие чего в некоторых случаях одно и то же понятие может быть выражено существительным в одном тексте и словом иной части речи в другом. Во-вторых, на первый перевод оказала значительное влияние грамматика немецкого языка.

Таким образом, Библия Карла XII, вслед за Библией Густава Васы, во многом наследует грамматические особенности перевода Мартина Лютера, в Библии 1917 часто сохранены сложившиеся традиции (что, в частности, упоминает Й. Бергман [Bergman, 1970. S. 200]), и лишь новый текст в полной мере учитывает как исходную семантику, так и особенности грамматического строя шведского языка.

Заключение

В ходе исследования был изучен процесс формирования категории определённости-неопределённости в шведском языке, описано современное её состояние, грамматические правила и семантические нюансы употребления различных маркёров данной категории. Были выделены основные этапы становления КОН в шведском языке, особое внимание уделено развитию артиклевой системы.

Первыми, ещё в праскандинавский период, в языке возникли определённые артикли, свободностоящий и суффигированный. Они образовались из указательных местоимений, соответственно, препозитивных и постпозитивных. Употребление таких артиклей стабилизировалось довольно рано, ещё в XVI веке. Неопределённый артикль, развившийся из числительного «один», в это время только начал распространяться. Тем не менее, к XVIII веку формирование рассматриваемой категории почти полностью завершилось.

В настоящее время в шведском языке существует ряд грамматических особенностей, связанных с КОН. Прежде всего, форма самих артиклей зависит от грамматического рода существительного и его числа. Кроме того, при наличии определения, выраженного прилагательным, перед определённой формой существительного суффигированный определённый артикль должен дублироваться свободностоящим. После определений, выраженных притяжательными и указательными местоимениями (кроме *den här*), местоимениями со значением количества, неопределёнными местоимениями, числительными и существительными в родительном падеже определяемое слово не имеет артикля. Наконец, не существует неопределённого артикля для множественного числа.

Выбор той или иной формы регулируется, между тем, не столько грамматикой, сколько семантикой высказывания. Определённая форма маркирует известность оговариваемого объекта для слушателя или читателя, неопределённая, соответственно, подчёркивает неизвестность. В случае

генерализованного употребления понятия разные формы слова задают разные оттенки значения. Также определённый артикль имеют слова, обозначающие единичные понятия, а неопределённый присутствует в сравнительных оборотах.

Относительно свободно чередование определённой формы с посессивным оборотом, также передающим семантику определённости.

При выражении общего значения и в составе некоторых устойчивых словосочетаний существительное не имеет артикля.

Неопределённый артикль может быть заменён неопределённым местоимением *någon* ’какой-то’.

Далее, сопоставлены три перевода Евангелия от Матфея на шведский язык – 1703, 1917 и 2000 годов.

В ходе сравнения анализируемых текстов было выявлено большое количество сходств в использовании показателей КОН – примерно 63% от общего числа существительных и субстантиватов в каждом переводе, что подтверждает факт достаточно раннего завершения процесса формирования категории, свидетельствует об устойчивости КОН и способов её выражения.

Чаще всего совпадают определённые формы существительных при их повторном употреблении, что обусловлено первостепенной функцией такой формы, заключающейся в повторном назывании знакомого слушателю или читателю явления. Также типично использование определённого суффигированного артикля в лексемах, выражающих уникальные, единственные в своём роде понятия, к которым относятся, например, наименования небесных тел. Нередко употребление определённой формы в генерализованном значении, когда такое слово обозначает класс объектов как их совокупность. Также переводы сходны в использовании определённого артикля при выражении имплицитной определённости, однако чаще определённость такого типа передаётся с помощью посессивного оборота.

При наличии прилагательного или причастия в функции атрибута определяемое существительное имеет, в согласии с правилом о так

называемой двойной определённости, два определённых артикля – и суффигированный, и свободностоящий. В случае, когда определение выражено числительным, артикля в препозиции нет.

Второе по частоте сходство между переводами заключается в использовании оборотов с определением, выраженным существительным или притяжательным местоимением. Такие конструкции передают значения разного рода отношений между объектом и его обладателем: родство, владение предметом или качеством. Чаще всего в качестве атрибута выступает местоимение, обозначающее, как правило, самого говорящего или слушающего.

Далее, существительные могут сопровождаться другими определениями, не связанными с посессивностью, и имеют в таком случае безартиклевую форму. В качестве таких атрибутов выступают количественные числительные, количественные, вопросительные и относительные местоимения. Нормы употребления «голой» формы определяемого слова сложились достаточно рано и не изменялись впоследствии.

Форма без артикля и без прочих определений встречается в изучаемых текстах в своей основной роли – выражать общее значение, в том числе у слов, входящих в состав устойчивых глагольных словосочетаний. Не имеют артикля обращения, термины родства и существительное *Бог*.

Нулевым артиклем сопровождаются неисчисляемые существительные, а также не существует неопределённого артикля для формы множественного числа.

Примеров использования формы с неопределённым артиклем во всех трёх текстах меньше всего, поскольку цель её употребления – указать на новизну объекта в повествовании, а новые для контекста понятия появляются в Евангелии редко. Соответственно, определённая форма более частотна также в силу своей семантики.

Что касается различий в выборе показателей КОН, во многом они соответствуют нормативным возможностям вариативности.

Обычно несовпадения между тремя шведскими версиями Евангелия от Матфея заключаются в чередовании двух основных способов выражения определённости – формы с суффигированным артиклем и посессивного оборота. Использование посессивных конструкций в особенности характерно для Библии Карла XII. Вероятно, определение, подчёркивающее отношение упоминаемого объекта к окружающим предметам и людям осознавалось как большая конкретизация. Кроме того, определённая форма с предложным оборотом в большей степени присуща разговорной речи, и выбор такой конструкции в более поздних переводах связан со сдвигом в стилистике шведского языка. Также можно предположить, что постепенное вытеснение генитивного атрибута формой с суффигированным артиклем является закономерным продолжением распада шведской падежной системы.

В случае выбора между безартиклевой и определённой формой ранняя версия значительно отличается от последующих переводов: её текст характеризуется наличием устойчивых выражений, неопределённая форма в которых используется лишь по традиции, а определённый артикль часто предшествует существительным с общим значением, что вызвано влиянием немецкой Библии. Среди прочего, в первом из исследуемых текстов встречаются формы с одним лишь свободностоящим артиклем (указательным местоимением) – ещё один результат заимствования элементов немецкой грамматики, а также определённая форма после указательного местоимения *denna*, современное употребление которого с безартиклевой формой существительного стало нормой в XVIII веке. Соответственно, наблюдается большое количество совпадений между остальными двумя переводами, основанными на материале оригинального источника.

Чередование безартиклевой формы и посессивной конструкции связано с использованием переводчиком сложного слова или словосочетания. Ни в одном тексте не нарушается норма употребления того или иного варианта.

Между двумя более поздними переводами присутствует заметное сходство в использовании композитов и оборотов с посессивным определением.

Выбор неопределённого или нулевого артикля зависит от значения, которое необходимо выразить, и в первой версии часто наблюдается неверное с точки зрения семантики использование того или иного показателя: например, слово в неконкретном значении имеет артикль. В Библии 2000 нужные маркёры категории употреблены в соответствии с семантическими особенностями исходного текста, а перевод 1917 года вновь занимает срединное положение.

Таким образом, первый перевод подвергся заметному влиянию немецкой артиклевой системы. Возможно, маркёры категории в большей мере рассматривались как показатели, обязательное употребление которых задано правилами грамматики, нежели как *семантически* значимые элементы. Также этот текст обнаруживает некоторые черты архаизации: безартиклевая форма некоторых уникальных понятий, двойное склонение. Нельзя, однако, сказать, что данная версия Писания противоречит нормам шведского языка: напротив, её появление лишь укрепило положение уже имевшихся в языке немецких конструкций.

Несмотря на то, что между последними двумя из рассматриваемых переводов прошло меньше времени, чем между первым и вторым, нельзя сказать, что выбор маркёров КОН в тексте 1917 года более близок особенностям данной категории в Библии 2000. Во многом второй перевод основан на материале более ранних изданий, и потому занимает промежуточное положение. Библия 2000, в свою очередь, является единственным переводом в прямом смысле этого слова, поскольку её создатели не опирались на традиции предшествующих текстов.

В целом можно сказать, что категория определённости-неопределённости в шведском языке не претерпела существенных изменений со времён своего окончательного становления, завершившегося к началу XVIII века, а преобразования, имевшие место до этого времени, в основном

сводились к установлению единообразия в использовании уже существующих в языке грамматических показателей рассматриваемой категории.

Список использованной литературы

Материалы исследования

1. Библия Карла XII. URL: https://www.bible.com/sv/bible/161/MAT.1

2. Библия 1917. URL: https://www.bible.com/sv/bible/166/MAT.1

3. Библия 2000. URL: https://www.bible.com/sv/bible/154/MAT.1

4. Библия Лютера. URL: https://www.bible.com/ru/bible/51/MAT.1.delut

5. Русский Синодальный перевод. URL: https://www.bibleonline.ru/bible/rus/40/01

Научная литература

1. Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1979. – С. 3-10.

2. Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределённый артикль). – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. – 255 с.

3. Краснова Е.В. Проблема образования и интерпретации датских композитов в контексте преподавания датского языка. // Скандинавская филология / под ред. Е.В. Красновой, И.М. Михайловой. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. – С. 84-93.

4. Маслова-Лашанская С.С. Шведский язык. Часть I. – Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1953. – 319 с.

5. Молошная Т.Н. Система артиклей в славянских и скандинавских языках. Сопоставительно-типологический аспект. // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 560 с.

6. Москальская О.И. Становление категории определенности/неопределенности. Артикль. // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени / Ред. М.М. Гухман. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

7. Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности. // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1979. – С. 119-174.
8. Ньюман Б., Стайн Ф. Комментарии к Евангелию от Матфея. Пособие для переводчиков Священного Писания. / Перевод с англ. под ред. А.Л. Хосроева. – Российское Библейское Общество, 1998. – 799 с.
9. Ревзина О.Г. Функциональный подход к языку и категория определенности-неопределенности. // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1979. – С. 64-89.
10. Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. – 340 с.
11. Трубецкой Н.С. Отношение между определяемым, определением и определенностью. // Избранные труды по филологии: Переводы / Сост. В.А Виноградов и В.П. Нерознак. – М.: Прогресс, 1987. – 560 с.
12. Цивьян Т.В. Наблюдения над категорией определенности-неопределенности в поэтическом тексте. // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1979. – С. 348-363.
13. Bergman G. Kortfattad svensk språkhistoria. – 2:a uppl. – Stockholm: Bokförlaget Prisma, 1970. – 256 s.
14. Birch-Jensen J. Från rista till chatta. Svenska språkets historia. – 2:a uppl. – DotGain AB, 2011. – 187 s.
15. Ekerot L.-J. Ordföljd, tempus, bestämdhet. – 1:a uppl. – Malmö: CWK Gleerups Utbildningscentrum AB, 1998. – 187 s.
16. Jespersen O. The filosophy of Grammar. – London: George Allen & Unwin LTD, 1935. – 360 p.
17. Molde B., Ståhle C.I. 1900-tals svenska. – Stockholm: Svenska Bokförlaget, 1970. – 78 s.

18. Olsson B. Från Birgitta till Bibel 2000. – Stockholm: Verbum Förlag AB, 2001. – 131 s.
19. Pamp B. Svensk språk- och stilhistoria. – Lund: Gleerups, 1971. – 255 s.
20. Petersson G. Svenska språket under sjuhundra år. – Lund: Studentlitteratur, 2000. – 251 s.
21. Smyth H.W. A Greek grammar for colleges. – American Book Company, 1920. – 784 p.
22. Ståhle C.I. Svenskt bibelspråk från 1500-tal till 1900-tal. – Stockholm: Svenska Bokförlaget, 1970. – 123 s.
23. Språkriktighetsboken. – 1:a uppl. – Norstedts Akademiska förlag, 2005. – 413 s.
24. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. – Bd. 2. – 1:a uppl. – Svenska Akademien, 1999. – 768 s.
25. Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. – Bd. 3. – 1:a uppl. – Svenska Akademien, 1999. – 704 s.
26. Weissbort D., Eysteinsson A. Translation – theory and practice. A historical reader. – New York: Oxford University Press, 2006. – 649 p.
27. Wellander E. Riktig svenska. En handledning i svenska språkets vård. – 3:e uppl. – Stockholm: Norstedts, 1947. – 813 s.
28. Wessén E. Svensk språkhistoria. – Bd. 3. – 2:a uppl. – Stockholm: Almqvist & Wiksell Förlag AB, 1965. – 346 s.
29. Wessén E. Vårt svenska språk. – Uppsala: Almqvist & Wiksell Förlag AB, 1970. – 241 s.

Электронные ресурсы

1. Николаева Т.М. Определённости-неопределённости категория [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les/349a.html (дата обращения 04.02.2017)

2. Подлесская В.И. Именная группа [Электронный ресурс] // Проект корпусного описания русской грамматики. – М., 2011. URL: http://rusgram.ru/Именная_группа (дата обращения 12.03.2017).
3. Evangeliet enligt Matteus [Электронный ресурс] URL: http://www.alltombibeln.se/bibelfakta/matteusevangeliet.htm (дата обращения 05.02.2017)
4. Notini Th. Vilket språk talar Gud? – om bibelns väg till Sverige [Электронный ресурс] / Tidningen Kulturen, 2013. URL: http://tidningenkulturen.se/index.php/mer/essaeer/118-religion/14311-vilket-sprak-talar-gud-om-bibelns-vaeg-till-sverige (дата обращения 04.02.2017)
5. Wollin L. Svensk bibelöversättning [Электронный ресурс] / Södertörns högskolebibliotek, 2009. URL: http://www.oversattarlexikon.se/artiklar/Svensk_bibelöversättning (дата обращения 05.02.2017)

Приложение

Распределение словоформ по способам выражения КОН[1]

Год перевода **Классификация**	**1703**	**1917**	**2000**
Общее число словоформ	3392	***3442***	3391
Определённая форма	1271	1339	***1418***
Посессивная конструкция	***903***	878	762
Неопределённый артикль	204	232	***236***
Безартиклевая форма	645	668	***681***
Безарт. форма с другими показателями КОН	231	***285***	267
Безарт. форма с определённым свободностоящим артиклем	***96***	39	26
Опр. форма после указ. мест. denna	***42***	1	1

[1] Курсивом выделено наибольшее число.